
18+
КаМа
БУНКЕР
Том I

КаМа КаМа
Бункер. Том I

https://litres.ru/74834707
ISBN 9785007162579

Аннотация

«Бункер. Том I» — первые 24 главы большого романа. Ган оказывается в замкнутом пространстве, где привычная реальность начинает смещаться, а поиск выхода превращается в исследование памяти, страха и собственного восприятия. Архивы, эксперименты прошлого и загадочные аномалии ведут героя всё глубже — к границе между внешним миром и сознанием. Первый том завершается переходом в иную реальность, открывая следующий уровень истории.

Содержание

БУНКЕР 7
Часть I. БУНКЕР 7
Часть II. ДРЕВО 10
Часть III. АНДРОМЕДА 12
Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА 15
Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ 18
Глава 1. Дверь 21
Глава 2. Четыре стены 82
Глава 3. Запас воды 124
Глава 4. Чужие записи 202
Глава 5. Шум за стеной 259
Конец ознакомительного фрагмента. 307

Бункер. Том I

КаМа

© КаМа, 2026

ISBN 978-5-0071-6257-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-6245-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КаМа

БУНКЕР

Меня Нет...

Картины КаМА

БУНКЕР

Часть I. БУНКЕР

Самое маленькое пространство снаружи

— Дверь — Ган оказывается в Бункере и ещё не знает, убежище это или тюрьма.

— Четыре стены — он изучает пространство и пытается восстановить последовательность событий.

— Запас воды — первые бытовые правила выживания возвращают сознание к телу и реальности.

— Чужие записи — Ган обнаруживает следы того, кто будто бы жил здесь до него.

— Шум за стеной — появляется звук, происхождение которого невозможно определить.

— Сломанные часы — время внутри Бункера начинает вести себя странно.

— Первый знак — случайное совпадение повторяется слишком точно, чтобы Ган его проигнорировал.

— Сон о дереве — ему впервые снится огромное Древо с бесчисленными ветвями.

— Человек, которого нет — Ган начинает разговаривать с невидимым собеседником и сам сомневается в своём рассудке.

— Ложная картина — он понимает, насколько легко сознание принимает предложенную кем-то версию реальности.

— Слово и действие — первое испытание ответственности: обещание самому себе приходится выполнить.

— Комната, которой вчера не было — пространство Бункера впервые физически нарушает собственные границы.

— Архив — книги, записи и фрагменты чужих культур оказываются собраны в одном месте.

— Язык повторений — Ган замечает, что разные тексты говорят об одном и том же разными словами.

— Пустота между словами — важным оказывается уже не текст, а связи между текстами.

— Нулевой поворот — он впервые переживает состояние, в котором старое движение сознания прекращается.

— Зеркало — Бункер начинает отвечать на внутреннее состояние самого Гана.

— Страх открыть дверь — становится ясно: выйти можно, но Ган сам ещё не готов.

— Цена правды — ему приходится выбирать между удобной версией событий и тем, что он действительно увидел.

— Огонь — появляется древний образ Прометея. Пока лишь как странная запись на стене.

— Первый Учитель — Ган встречает существо, которое ничего ему не объясняет, а только меняет способ его воспри-

ятия.

— Стена становится небом — впервые исчезает граница между внутренним пространством и Космосом.

— Бункер внутри — Ган понимает, что главные стены находятся вовсе не вокруг тела.

— Выход — дверь открывается, но за ней оказывается совсем не Земля, которую он ожидал увидеть.

Часть II. ДРЕВО

Вселенная начинает вспоминать себя

— Первая ветвь — Ган оказывается внутри пространства, похожего на живую карту развития Вселенной.

— Племена — он встречает цивилизацию, сохранившую то, что другие давно утратили.

— Местные Духи — пространство оказывается населено сознаниями самой местности.

— Высшие Силы — Ган обнаруживает уровни существования, которые раньше считал мифами.

— Тени — он понимает: искажение не является отдельным злом, это остановившееся движение.

— Искры — индивидуальные сознания входят в игру и создают собственные траектории.

— Стихии — Огонь, Вода, Земля, Воздух и Пространство раскрываются как способы организации сознания.

— Эфирные существа — Ган учится видеть формы, существующие между плотными мирами.

— Микромир — оказывается, что малое повторяет устройство огромного.

— Макромир — та же структура разворачивается уже на уровне звёздных систем.

— Змея Лилы — Ган впервые видит цивилизацию, поднявшуюся высоко и всё же упавшую.

— Блаженство — он понимает, что даже прекрасное состояние может стать ловушкой.

— Абсолют — ещё одна вершина оказывается не концом пути.

— Сириане — Ган узнаёт собственную древнюю линию и впервые сталкивается с культурой Света.

— Ошибка Света — стремление к Абсолюту когда-то заставило эту культуру потерять часть многообразия.

— Земные Веды — фрагменты древних земных путей оказываются связанными с той же ветвью.

— Род — память перестаёт быть только личной.

— Падшие ветви — Ган понимает ценность даже тех путей, которые закончились тупиком.

— Ничто не было напрасным — опыт каждой цивилизации становится частью будущей системы.

— Знакообразование — Ган учится читать не отдельные знаки, а отношения между ними.

— МанДаЛа связей — множество разрозненных смыслов впервые складывается в единый рисунок.

— Собиратель — становится ясна настоящая функция Гана: не выбрать лучшую ветвь, а собрать Древо.

— Точка остановки — он находит место, где развитие Вселенной когда-то прервалось.

— Андромеда — следующая ветвь оказывается миром тех, кто почти перестал умирать.

Часть III. АНДРОМЕДА

Мир бессмертных, который тоже оказался незавершённым

— Зона Андромеды — Ган входит в цивилизацию устойчивых форм.

— Бессмертные — он впервые видит существ, для которых смерть стала почти неизвестной.

— Совершенная форма — Андромеда кажется вершиной развития.

— Цена бессмертия — постепенно обнаруживается то, что эта устойчивость отняла.

— Страх изменения — бессмертные боятся не смерти, а потери собственной формы.

— Иерархия поля — их мир существует благодаря невероятно устойчивым структурам.

— Гость смертных — Ган становится для них существом почти невозможной природы.

— Умереть и остаться собой — он показывает то, чему научила его смертная Вселенная.

— Первый разлом — совершенная структура Андромеды впервые допускает изменение.

— Учитель бессмертия — Ган учится удерживать форму, не разрушаясь от перехода.

— Ученик смертности — его Учитель неожиданно сам

становится учеником Гана.

— Два вида устойчивости — рождается формула: устойчивость через структуру и устойчивость через движение.

— Млеко — Ган видит собственную Галактику как мир циклов рождения и смерти.

— Переменный ток — смертность раскрывается как механизм обновления формы.

— Постоянный ток — Андромеда показывает силу непрерывного удержания.

— Фазовый сдвиг — начинается попытка синхронизировать две несовместимые системы.

— Волна — одно состояние начинает существовать сразу в нескольких фазах.

— Канон Вселенной — Ган понимает: повторение со смещением создаёт новое качество.

— Форма, которая течёт — Андромеда учится изменяться.

— Поток, который помнит форму — Млеко учится сохранять себя.

— Третья среда — между двумя системами рождается то, чего раньше не существовало.

— Первый прототип — Ган должен собрать эту конструкцию внутри собственного сознания.

— Я способен изменяться — он принимает смертность без потери себя.

— Я способен сохранять себя — он принимает устойчивость без сопротивления изменению.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА

Чтобы соединить Вселенные, сначала приходится соединить самого себя

— Возвращение в Центр — Ган снова оказывается перед той самой внутренней Пустотой.

— Нулевой Спин — движение старой системы полностью прекращается.

— Отец — Ган встречается со своим образом действия, силы и ответственности.

— Ложный Отец — обещание без действия, сила без ответственности, власть без опоры.

— Ответственный Отец — слово впервые окончательно соединяется с поступком.

— Мать — открывается принимающее и сохраняющее начало.

— Ложная Мать — любовь как владение, жертва и удержание.

— Зрелая Мать — любовь становится пространством, которое помогает жизни вырасти и уйти дальше.

— Инь — способность принимать, хранить и преобразовывать.

— Ян — способность давать импульс, направление и действие.

— Общее Дао — обе силы перестают существовать как

противники.

— Сердце Разума — чувство и разум впервые работают как один орган восприятия.

— Раскрытое Сердце — Ган полностью принимает собственную природу.

— Смерть старого Гана — прежняя личность больше не может удерживать новый объём.

— Путь РА — Свет Души начинает освещать дальнейшее движение.

— Все Учителя — прежние встречи раскрываются как части одной системы обучения.

— Все культуры — Ган видит, что каждая цивилизация несла один необходимый элемент.

— Все ошибки — даже тупики занимают своё точное место в МанДале.

— Карма узора — прошлое оказывается не наказанием, а инерцией уже созданной формы.

— Свобода выбора — увиденный узор впервые можно сознательно изменить.

— МанДаЛа Завершения — все связи становятся видимы одновременно.

— Прометей — способность зажечь Свет передаётся каждой точке системы.

— Огонь во всех точках — МанДаЛа перестаёт иметь единственный центр.

— Точка Перехода — две Вселенные входят друг в дру-

ra.

Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ

Самое большое пространство оказалось внутри Бункера

— Вспышка — Вселенная не погибает: она впервые загорается целиком.

— Яйцо Света — свечение распределяется по всей структуре равномерно.

— Новая МанДаЛа — прежние ветви сохраняются, но теперь принадлежат одной системе.

— Память Вселенной — ни один добытый опыт больше не теряется.

— Следующий виток — круг превращается в спираль.

— Земля — внимание возвращается к маленькой планете, с которой всё начиналось.

— Экспериментальная реальность — Ган понимает необычность земного пути.

— Множество народов — различие перестаёт восприниматься как препятствие единству.

— Единая цивилизация — единство оказывается согласованием, а не одинаковостью.

— Язык Сынов — разные традиции впервые начинают понимать друг друга без уничтожения различий.

— Знания Родов — сохранённое прошлое становится ресурсом будущего.

— Человек Земли — новая цивилизация начинается не

с технологии, а с зрелого человека.

— Ответственность — галактический уровень проверяется самыми обычными поступками.

— Дом — способность поддерживать порядок в малом оказывается условием порядка в большом.

— Ребёнок — будущее определяется тем, что цивилизация передаёт следующим поколениям.

— Женщина и Мужчина — Инь и Ян становятся сотрудничающими силами общего Дао.

— Технология Света — техника перестаёт опережать сознание тех, кто ею пользуется.

— Совет Миров — Земля впервые входит в отношения с другими цивилизациями не как ученик и не как завоеватель.

— Галактический человек — граница между земной и космической идентичностью исчезает.

— Ган возвращается — после всех миров он снова оказывается у первой двери.

— Четыре стены — Бункер выглядит совершенно таким же, как в начале романа.

— Одна комната — читатель начинает сомневаться, происходило ли всё путешествие физически.

— Открытая дверь — снаружи обычный мир, но Ган уже видит в нём всю МанДаЛу.

— Бункер — последняя истина: **самое маленькое пространство снаружи оказалось самой большой Вселенной внутри.**

БУНКЕР

эпиграф ко всему роману

Пролог. Точка Ноль

Когда всё закончилось, никто этого не заметил.

Звёзды продолжали гореть, вода двигалась к берегу, где-то рождались дети, где-то старики закрывали глаза, уверенные, что Вселенная останется после них ровно такой же, какой была до них.

Только в одной точке движение остановилось.

На мгновение — если измерять временем.

Навсегда — если измерять состоянием.

Именно там возникла возможность начать иначе.

Позже это назовут Точкой Перехода.

А пока существовала лишь дверь.

И человек, который ещё не знал, что однажды ему придётся её открыть.

Глава 1. Дверь

«Вечное молчание этих бесконечных пространств ужасает меня».

Блез Паскаль

Ган проснулся от капли.

Она падала где-то в темноте с такой размеренностью, словно давно получила право распоряжаться временем и теперь, пользуясь отсутствием свидетелей, отсчитывала его по собственному календарю.

Кап.

Пауза.

Кап.

В промежутке помещалось удивительно многое: вдох, тупая боль под лопаткой, слабое движение пальцев, попытка открыть глаза шире, хотя разницы между закрытыми и открытыми почти не существовало, и короткая, ещё бессловесная мысль о том, что тело лежит на чём-то твёрдом.

Пахло железом.

Потом проступил запах сырого бетона, старой пыли, машинного масла и того особенного подвального холода, который живёт отдельно от температуры. Бывает тепло, а стены всё равно помнят зиму; бывает лето, солнце плавит крыши, люди ходят в майках, но стоит открыть тяжёлую дверь подземного помещения — и оттуда дохнёт ноябрём.

Ган медленно повернул голову.

В виске ударило.

Он замер.

Боль прошла по черепу светлой полосой и осела где-то за глазом, оставив после себя тошноту и раздражение. Несколько секунд он лежал совершенно неподвижно, прислушиваясь к себе так, как человек слушает ночью незнакомый дом: скрипнула ли лестница, прошёл ли кто-то по коридору, показалось ли.

Тело отзывалось.

Правая нога цела.

Левая тоже.

Пальцы рук слушаются.

Рёбра при вдохе тянут, однако воздух входит глубоко.

Язык сухой.

Во рту металлический привкус.

На затылке шишка.

Он ощупал её осторожно и обнаружил засохшую кровь.

— Прекрасно, — сказал Ган.

Голос прозвучал чужим.

Темнота вернула ему слово, слегка изменив его, будто попробовала на вкус и выплюнула обратно.

«Прекрасно».

Ещё одно «прекрасно» пришло откуда-то справа, уже слабее, почти шёпотом.

Значит, помещение большое.

Или пустое.

Скорее второе.

Он сел.

Мир качнулся, остановился, снова качнулся, словно палуба под ногами человека, который слишком долго провёл на берегу и внезапно вспомнил море.

Ган дышал медленно, стараясь не торопить собственную голову. Память существовала, но вела себя странно. Он знал своё имя. Знал, как выглядит кофе в стеклянной чашке. Знал, что в октябре пахнет мокрыми листьями, а снег ночью светится даже там, где нет фонарей. Мог вспомнить лицо матери, хотя почему-то первым всплыл её затылок — волосы, заколотые старой деревянной шпилькой, — и руки отца на руле. Знал таблицу умножения, умел завязывать узлы, помнил пароль от телефона.

Телефона при нём, похоже, не было.

Он провёл руками по карманам.

Брюки. Ремень. Рубашка. Тёплая кофта. В левом кармане — маленький металлический предмет.

Ган вытащил его и нащупал пальцами.

Ключ.

Обычный дверной ключ, плоский, с круглой головкой.

Никакого брелока.

— Уже интереснее.

Он сказал это скорее для проверки голоса.

От стены опять вернулось запоздалое:

«…интереснее».

Он вдруг подумал, что слишком спокойно себя ведёт.

Мысль показалась почти смешной.

Существует, вероятно, правильная последовательность действий для человека, который приходит в себя неизвестно где с разбитой головой и ключом в кармане. Паника, крик, попытка вспомнить похищение, удар, аварию, войну, конец света. Можно выбрать любую подходящую человеческую реакцию и честно прожить её.

Ган сидел на холодном полу и слушал каплю.

Страх находился где-то рядом, но пока не решался войти.

Так иногда собака стоит у открытой калитки, вытянув шею, и долго рассматривает дорогу, прежде чем сделать первый шаг.

Он ощупал пространство перед собой.

Ладонь встретила бетон.

Пол был шероховатым, сухим возле него и влажным чуть дальше.

Ган встал на четвереньки, потом поднялся, придерживаясь рукой за стену. Его повело влево. Он переждал головокружение и пошёл, скользя пальцами по холодной поверхности.

Через четыре шага стена закончилась.

Угол.

Он повернул.

Ещё семь шагов.

Снова угол.

Пять.

Четвёртая стена оказалась длиннее.

На ней пальцы наткнулись на металл.

Ган остановился.

Вернулся ладонью назад, медленно провёл по поверхности.

Холодное железо.

Вертикальный край.

Петля.

Дверь.

Почему-то именно после этого страх вошёл.

Без крика, без дрожи, почти деловито.

Он просто встал внутри, занял своё место и сообщил телу, что теперь оно должно быть внимательнее.

Ган ощупал дверь.

Толстая.

Металлическая.

Такие ставят в убежищах, старых хранилищах, технических подвалах; иногда их показывают в фильмах, где человечество уже совершило всё, что могло, и теперь нескольким выжившим остаётся спорить из-за консервов.

На уровне груди нашлась массивная ручка.

Он потянул.

Ничего.

Толкнул.

Тоже.

Чуть ниже обнаружилась замочная скважина.

Ган достал ключ.

В темноте ключ вдруг стал предметом почти религиозным.

Маленький кусочек металла, которому заранее известна форма препятствия.

Человек может часами размышлять перед запертой дверью о свободе, судьбе, насилии, границах и природе выбора, а ключу достаточно совпасть несколькими выступами с внутренним механизмом.

Ган вставил его в замок.

Подошёл.

Повернул.

Внутри двери что-то тяжело сдвинулось.

Он почувствовал движение механизма через пальцы.

Щёлкнуло.

Ган замер.

Ручка поддалась.

Ещё секунда — и можно было открыть.

Он этого не сделал.

Сам удивился.

До сих пор вся задача казалась очевидной. Очнулся в закрытом помещении — ищи выход. Нашёл дверь — открывай. Именно такие поступки позже кажутся единственно возможными, потому что человек уже знает, чем закон-

чилась история.

Ган стоял, держась за ручку, и чувствовал, что ладонь стала влажной.

За дверью было тихо.

Совершенно.

Капля продолжала падать позади него.

Кап.

Пауза.

Кап.

Он приложил ухо к металлу.

Холод обжёг кожу.

Ни движения воздуха.

Ни шагов.

Ни гула.

Иногда тишина рассказывает больше, чем шум.

Тишина квартиры сообщает, что все ушли.

Тишина леса перед грозой напоминает задержанный вдох.

Тишина больничного коридора ночью имеет собственную тяжесть.

Эта тишина была лишена характера.

Она не сообщала ничего.

Ган отпустил ручку.

— Сначала свет.

Фраза прозвучала разумно и потому немного успокоила.

Он продолжил исследовать стену и почти сразу нашёл коробку выключателя.

Нажал.

Щелчок.

Темнота осталась.

Ещё раз.

Пусто.

Рядом обнаружился второй выключатель.

Третий.

На четвёртом что-то загудело.

Ган отшатнулся.

Под потолком несколько раз моргнула длинная лампа.

Белый свет вспыхнул, погас, снова вспыхнул и наконец удержался, нервно дрожа на концах.

Ган зажмурился.

После темноты помещение показалось залитым солнцем.

Через несколько секунд он открыл глаза.

Комната была меньше, чем представлялось на ощупь.

Примерно три с половиной на пять метров. Бетонные стены. Низкий потолок с трубами. В углу — металлическая койка. Рядом опрокинутый стул. У противоположной стены стоял серый шкаф с облупившейся краской. На полу лежала пластиковая канистра, а рядом с ней — лужица воды, куда с потолочной трубы падала та самая капля.

Кап.

На стене висели часы.

Стрелки показывали 4:17.

Секундная стояла.

Ган посмотрел на них дольше, чем требовалось.

На циферблате отсутствовало стекло, минутная стрелка была слегка погнута, а возле цифры восемь темнело пятно, похожее на след пальца.

На двери, которую он только что отпёр, белой краской было выведено:

ВЫХОД

Ниже кто-то карандашом приписал:

НЕ ТОРОПИСЬ

Ган подошёл ближе.

Провёл пальцем по буквам.

Карандаш.

Почерк быстрый, неровный. Последняя буква уходила вверх.

Он ещё раз посмотрел на слово «ВЫХОД», затем на маленькую приписку.

— Очень остроумно.

Ответа не последовало.

Теперь, при свете, эхо почти исчезло.

Он заметил на полу матрас, с которого, вероятно, скатился во сне или во время падения. На ткани было бурое пятно.

Кровь.

Ган коснулся затылка и посмотрел на пальцы.

Сухо.

В голове возникло первое настоящее воспоминание.

Машина.

Не образ даже — ощущение ремня безопасности на груди.

Тёмная дорога.

Дворники.

Чей-то голос.

Потом красный свет впереди.

Ган закрыл глаза, пытаясь удержать картинку.

Дождь.

Кто-то говорил рядом.

Мужчина?

Женщина?

Слова исчезали в шуме воды.

Он напрягся.

Из памяти выступила фраза:

«Когда доедешь, сразу позвони».

Чей голос?

Он не знал.

Потом всё рассыпалось.

Так бывает во сне: ещё секунду назад держал в руках целый город, видел улицы, людей, комнаты, знал их историю, а после пробуждения остаётся один балкон или чужая синяя рубашка.

Ган выругался.

Головная боль отозвалась новым ударом.

— Ладно.

Он подошёл к шкафу.

Внутри нашлись две бутылки воды, аптечка, несколько ба-

нок тушёнки, упаковка галет, моток верёвки, свечи, коробок спичек, фонарь, батарейки, рабочие перчатки, металлическая кружка и сложенное одеяло.

Всё выглядело старым, однако пригодным.

На бутылках вода была прозрачной.

Ган проверил срок годности.

Дата стёрлась.

Он повертел бутылку на свету.

Пить хотелось так сильно, что организм относился к вопросу философски.

Он открыл крышку, понюхал, сделал маленький глоток.

Вода.

Простая вода обладает удивительным талантом возвращать человеку тело.

После нескольких глотков мир стал чуть менее условным.

Ган сел на койку и медленно выпил половину бутылки.

На аптечке лежал лист бумаги.

Белый, сложенный пополам.

Он заметил его только теперь.

На внешней стороне было написано:

ГАН

Почерк другой.

Ровный.

Почти школьный.

Ган поставил бутылку.

Взял бумагу.

Несколько секунд смотрел на своё имя.

Бывает странно увидеть собственное имя там, где не ожидаешь встретить вообще никакого имени. Оно сразу перестаёт быть просто обозначением человека. Становится следом. Доказательством того, что кто-то знал о твоём появлении раньше тебя самого.

Он развернул лист.

Внутри была одна строка.

Если ты читаешь это, значит, дверь всё ещё закрыта.

Ган посмотрел на дверь.

Она была отпёрта.

Он прочитал снова.

Если ты читаешь это, значит, дверь всё ещё закрыта.

— Ошибаешься.

Сказал он это бумаге.

Стало легче.

Рациональный ум мгновенно принялся строить объяснения.

Кто-то устроил розыгрыш.

Эксперимент.

Психологический тест.

Убежище принадлежит людям, которые знают его имя.

Может быть, он сам подготовил всё заранее.

Последняя мысль неприятно задела.

Ган попробовал вспомнить последние сутки.

Пустота.

Неделя?

Пустота.

Он знал, где жил.

Москва.

Квартира возле старого парка.

Серое здание напротив.

Кофейня на углу, где бариста рисовала на стаканах лица посетителей.

Он знал фамилию соседки.

Помнил номер подъезда.

Мог мысленно пройти от метро до дома.

А вчерашний день отсутствовал.

И позавчерашний.

Он пошёл дальше назад.

Сначала память отвечала отдельными островами.

Рабочий стол.

Монитор.

Незаконченный разговор.

Снег?

Какой снег в октябре?

Может, это было раньше.

Он увидел деревянный дом, потом женскую руку с кольцом, потом ребёнка, бегущего по траве.

Чужого ребёнка?

Своего?

Ган резко открыл глаза.

Нет.

У него нет детей.

Или есть?

Сердце ускорилось.

Вот теперь страх перестал вести себя воспитанно.

Он поднялся и начал ходить от стены к стене.

Пять шагов.

Поворот.

Три шага.

Поворот.

Семь.

Каждый новый вопрос рождал следующий, и пространство вдруг показалось слишком маленьким для их количества.

Он заставил себя остановиться.

— Факты.

Слово помогло.

Факты существуют независимо от настроения.

Он жив.

Есть травма головы.

Есть вода.

Есть дверь.

Есть записка с его именем.

Память повреждена частично.

Часы стоят.

Электричество есть.

Кто-то подготовил помещение.

Ган перевёл взгляд на карандашную надпись возле двери.

НЕ ТОРОПИСЬ

Он почувствовал раздражение.

Неизвестный автор позволял себе слишком многое.

Ган подошёл к двери и взялся за ручку.

Разум предложил подождать.

Гордость ответила быстрее.

Он нажал.

Металл внутри двери сдвинулся с тяжёлым низким звуком.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Оттуда дохнуло холодным воздухом.

Ган замер.

Воздух пах землёй.

Настоящей.

Влажной.

Где-то очень далеко слышался гул.

Он открыл шире.

За дверью шёл узкий коридор.

Такие коридоры люди строят исключительно из убеждения, что стены должны победить пространство. Бетон с обеих сторон, потолок чуть выше головы, вдоль него трубы и кабели, редкие лампы под металлическими решётками. Пер-

вая лампа горела. Следующая моргала. Дальше коридор растворялся в полутьме.

Ган выглянул.

Никого.

Слева — тупик.

Справа — путь.

Он снова ощутил почти комичную простоту выбора.

Стоило человеку оказаться перед двумя направлениями, и вся мировая философия начинала подозрительно напоминать инструкцию в метро.

Ган шагнул в коридор.

Потом остановился.

Вернулся в комнату.

Взял фонарь, воду, аптечку и перчатки.

Подумав, прихватил две пачки галет.

Сам над собой усмехнулся.

— Молодец. Конец света встречаем подготовленными.

В шкафу нашёлся маленький рюкзак.

Он сложил туда вещи.

На дне рюкзака лежал блокнот.

Чёрная обложка.

Без надписей.

Ган открыл первую страницу.

Пусто.

Вторая.

Пусто.

На третьей была одна запись.

Не записывай то, что уже понял. Записывай то, что повторилось.

Ган нахмурился.

Перевернул страницу.

Чисто.

Следующую.

Чисто.

До самого конца блокнот оставался пустым.

— Что за любители загадок здесь жили?

Он сунул блокнот обратно.

На секунду захотелось оставить его.

Потом почему-то передумал.

Взял карандаш со стола и положил в боковой карман.

Он снова вышел в коридор и прикрыл дверь комнаты.

Замок автоматически не защёлкнулся.

Ган посмотрел на ключ.

Оставить дверь открытой казалось разумным.

Запереть — безопаснее.

Он выбрал третье: прикрыл так, чтобы щель осталась заметной.

Коридор был холоднее комнаты.

Ган пошёл вправо.

Каждые несколько метров на стенах встречались двери.

Первая оказалась заперта.

На ней значилось:

ВЕНТИЛЯЦИЯ

Вторая:

ЭЛЕКТРОЩИТОВАЯ

Третья была открыта.

Внутри стояли старые металлические стеллажи, ящики, канистры, мешки.

Склад.

Он посветил фонарём.

Пыль лежала ровно.

Следов свежего движения почти не было.

Почти.

В углу на полу тянулась полоса, словно ящик недавно отодвинули.

Ган подошёл.

Тяжёлый деревянный контейнер стоял под углом к стене.

Он ухватился за ручку и потянул.

Ящик поддался неожиданно легко.

За ним обнаружилась надпись.

Три слова, выведенные чёрным маркером прямо по бетону:

ТЫ УЖЕ ЗДЕСЬ БЫЛ

Ган замер.

Фонарь дрогнул в руке.

Некоторые фразы обладают физическим весом.

Эта легла ему на грудь.

Он провёл пальцами по буквам.

Маркер старый.

Поверхность слегка выцвела.

— Когда?

Голос прозвучал глупо.

Он всё равно повторил:

— Когда я здесь был?

Ответил только гул вентиляции.

Ган внимательно посмотрел на почерк.

В нём было что-то знакомое.

Не содержание.

Движение руки.

Буква «У» уходила вниз слишком длинным хвостом. «З» выглядела почти как цифра три. «Д» была печатной, с широкой верхней линией.

Он открыл рюкзак, вытащил блокнот и карандаш.

Написал:

Я уже здесь был.

Сравнил.

Почерк на стене и его почерк были разными.

Он почувствовал облегчение настолько сильное, что стало стыдно.

Потом заметил букву «Я».

На стене она была написана так же.

Ган повторил несколько раз.

Я.

Я.

Я.

У любого человека почерк меняется в зависимости от скорости, поверхности, инструмента. Он понимал это прекрасно.

И всё же совпадение неприятно царапнуло.

Он закрыл блокнот.

На первой чистой странице написал:

1. «Ты уже здесь был».

Посмотрел на цифру.

Поморщился.

Вспомнил инструкцию.

«Не записывай то, что уже понял. Записывай то, что повторилось».

Он зачеркнул строчку.

— Вот ещё. Буду получать указания от блокнота.

Спустя секунду восстановил запись ниже.

Без номера.

Пошёл дальше.

Через двадцать метров коридор раздваивался.

На стене висела схема убежища под мутным пластиком.

Ган вытер её рукавом.

Линии, помещения, условные обозначения.

Вверху значилось:

ОБЪЕКТ 17-Б

Ни адреса.

Ни названия организации.

Красным были отмечены аварийные выходы.

Один находился далеко справа, за несколькими помещениями и лестницей.

Второй — в противоположной части комплекса.

Тот, из которого вышел Ган, на схеме обозначался как «Комната отдыха персонала».

Он усмехнулся.

Кровь на матрасе добавляла отдыху убедительности.

Под схемой висел журнал.

Обычная папка на шнурке.

Ган открыл.

Таблица проверок.

Даты.

Большинство записей сделаны много лет назад.

Последняя:

14.10.2026

Ган несколько секунд смотрел на дату.

Четырнадцатое октября.

Сегодня?

Он достал из кармана телефон, которого там по-прежнему не было, и почувствовал раздражение от собственного жеста.

Часы стояли.

Календаря рядом не оказалось.

Если запись свежая, кто-то был здесь совсем недавно.

Если сегодня действительно четырнадцатое октября, память могла выпасть лишь на несколько часов.

Он провёл пальцем по строке.

В графе «Состояние объекта» было написано:

Готов.

В графе «Ответственный» стояла подпись.

Неразборчивая.

Ган наклонился ближе.

Первая буква походила на «Г».

Он перелистнул назад.

Предыдущая проверка датировалась 14.09.2026.

Ровно месяц.

До неё — 14.08.

Каждого четырнадцатого числа.

Подпись одна и та же.

Ган почувствовал первое настоящее присутствие другого человека.

До сих пор помещение могло казаться заброшенным театром, где декорации ждут актёра. Журнал разрушал это ощущение. Кто-то приходил сюда ежемесячно. Кто-то следил за вентиляцией, водой, электричеством.

Кто-то вчера или сегодня написал «Готов».

Готов к чему?

Ган перелистнул ещё несколько страниц.

Там были сухие служебные записи.

«Замена фильтра».

«Проверка гермозатвора».

«АКБ — норма».

«Запас воды обновлён».

Никаких загадок.

И от этого становилось ещё тревожнее.

Когда всё вокруг странно, человек быстро привыкает к странности.

Гораздо страшнее встретить внутри неё нормальную бухгалтерию.

Она доказывает, что абсурд кем-то обслуживается.

Ган закрыл журнал.

В конце правого коридора нашлась лестница.

Наверх вели двенадцать ступеней.

Он поднялся.

Перед ним была ещё одна дверь.

Зелёная.

Тяжёлая, но уже без массивного герметического колеса.

На ней висела табличка:

АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД №1

Ручка опустилась.

Дверь открылась.

За ней находился небольшой тамбур и следующая дверь.

На внутренней стороне кто-то мелом написал:

СНАЧАЛА ПОСМОТРИ

Ган выдохнул.

— Да вы издеваетесь.

На второй двери было круглое смотровое окно с металли-

ческой заслонкой.

Он отодвинул её.

Снаружи стояла темнота.

Ган приблизил лицо к стеклу.

Сначала ничего не увидел.

Потом глаза привыкли.

Перед дверью начиналась лестница вверх.

Земляные стены.

Корни.

Наверху угадывался слабый серый свет.

День.

Или рассвет.

Или пасмурное небо.

Значит, поверхность рядом.

Он уже собирался открыть дверь, когда заметил на стекле собственное отражение.

Лицо выглядело хуже, чем он ожидал.

Лет тридцать пять, может, немного больше. Тёмные волосы спутаны. На виске засохла кровь. Щетина. Один глаз покраснел. Отражение казалось утомлённым и слишком серьёзным.

Ган поднял руку.

Отражение повторило.

И внезапно он вспомнил.

Не дорогу.

Не аварию.

Комнату.
Другую.
Светлую.
Он стоял перед зеркалом и завязывал галстук.
Кто-то за спиной смеялся.
Женщина.
— Ты опять сделал слишком туго.
Она подошла, развязала узел и начала завязывать заново.
Ган видел её руки.
Тонкие пальцы.
Кольцо с зелёным камнем.
— Куда мы идём? — спросил он вслух.
Воспоминание исчезло.
Он упёрся лбом в холодное стекло.
Кто она?
Имя находилось совсем рядом.
Как слово на кончике языка.
Анна?
Нет.
Лена?
Нет.
Он видел только руки.
Зелёный камень.
Смех.
Ещё что-то.
Запах яблок.

Почему яблок?

В голову пришла нелепая картинка: яблоки, нарезанные кругами и разложенные на деревянной доске.

Ган закрыл глаза.

Пюре.

Сушёные яблоки.

Блины.

Украшение в форме яблока.

Образы вспыхнули один за другим, связанные каким-то внутренним мостом, происхождение которого он понять не мог.

Он рассмеялся.

Тихо.

Почти беззвучно.

Мозг после травмы занимался собственным хозяйством.

Люди теряют память великих событий, зато вдруг вспоминают, как в детстве пахла коробка с ёлочными игрушками. Возможно, сознание вообще устроено без всякого уважения к человеческой иерархии важного.

Ган снова посмотрел наружу.

Серый свет стал чуть ярче.

Он взялся за ручку внешней двери.

Повернул.

Дверь сдвинулась примерно на сантиметр и остановилась.

Он надавил сильнее.

Что-то мешало снаружи.

Ган упёрся плечом.
Дверь прошла ещё несколько сантиметров.
В щель посыпалась земля.
Он отскочил.
Сверху упало несколько комьев.
Путь был завален.
— Отлично.
Слово вернулось.
Он снова надавил.
Земля двигалась, но масса сверху была серьёзной.
Можно копать.
Перчатки есть.
Возможно, найдётся лопата.
Он осмотрел тамбур.
У стены действительно стояла сапёрная лопатка.
Будто кто-то предусмотрел даже это.
Ган взял её.
И замер.
На деревянном черенке ножом было вырезано:
ГАН
Глубоко.
Не маркер.
Не случайная подпись.
Его имя.
Он долго смотрел на буквы.
Пальцы сами легли в выемки.

Через несколько секунд в памяти вспыхнуло ощущение.
Дерево под ладонью.
Та же лопатка.
Тяжёлое дыхание.
Земля.
Он копает.
Рядом кто-то говорит:
— Быстрее.
Ган отвечает:
— Я и так быстрее.
— Ещё.
— Сам возьми.
Смех.
Мужской.
Картина оборвалась.
Он присел на ступеньку.
В голове шумело.
Значит, он действительно был здесь.
Скорее всего.
Других разумных объяснений становилось меньше.
Он мог подготовить убежище сам.
Мог знать человека, который его обслуживает.
Мог оставить себе записки.
Мог забыть всё после травмы.
Тогда оставался главный вопрос.
Зачем?

Ган достал блокнот.

На чистой странице написал:

Лопатка. Моё имя. Воспоминание о земле.

Остановился.

Надпись в блокноте требовала повторений.

Он перечитал первую фразу: «Ты уже здесь был».

Теперь появился второй знак того же содержания.

Он перевернул страницу и написал крупно:

Я УЖЕ ЗДЕСЬ БЫЛ.

Подумал.

Добавил:

МИНИМУМ ДВА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Слово «минимум» почему-то успокоило.

Когда страх получает название и количественную характеристику, он на время становится задачей.

Ган спустился обратно.

В комнате со складом нашёл большую лопату, лом и каску.

Вернулся к выходу.

Работать пришлось долго.

Земля была тяжёлая, мокрая. Через каждые несколько движений он останавливался из-за головной боли. Потом снова копал, выбрасывая грунт внутрь тамбура.

Часов не было.

Время вернулось к старому человеческому измерению — усталости.

Сначала заболели плечи.

Потом спина.

Потом голод.

Ган открыл галеты и ел прямо на ступеньках, запивая водой.

Серый просвет становился шире.

Наконец дверь удалось открыть настолько, чтобы протиснуться боком.

Он высунул голову.

Холодный воздух ударил в лицо.

Ган вдохнул.

После подземелья запах земли, травы и сырой древесины казался почти роскошью.

Над ним стоял лес.

Берёзы.

Ели.

Низкое пасмурное небо.

Октябрь.

Листья лежали мокрым ковром.

Ни дороги.

Ни домов.

Ни проводов.

Вход в убежище был устроен в склоне небольшого холма и почти полностью скрыт землёй. Похоже, часть откоса недавно обвалилась.

Ган выбрался наружу.

Встал.

Мир оказался огромным.

После нескольких часов под бетоном простое расстояние между деревьями действовало почти опьяняюще.

Он пошёл вперёд.

Сделал десять шагов.

Пятнадцать.

Повернулся к входу.

Отсюда дверь почти исчезала.

Ещё несколько метров — и её вообще можно было не заметить.

Ган достал блокнот и отметил направление.

Огляделся.

Лес был обычным.

До раздражения обычным.

Мокрые стволы.

Опавшие листья.

Мох.

Где-то стучал дятел.

С ветки сорвалась капля и упала на другую ветку.

Этот звук заставил Гана обернуться.

Кап.

Пауза.

Кап.

Он рассмеялся.

— Хватит.

Лес продолжал заниматься своими делами.

Ган поднялся на вершину холма.

Оттуда открывалась небольшая низина, дальше ещё лес, потом линия тёмных елей.

Никаких ориентиров.

Телефон отсутствовал.

Компас тоже.

Он попытался определить стороны света по небу, но солнце пряталось за сплошной облачностью.

На одном из деревьев заметил красную метку.

Подошёл.

Полоса краски.

Через двадцать метров — ещё одна.

Тропа?

Он пошёл по меткам.

Через несколько минут лес вывел его к старой грунтовой дороге.

Колеи были заполнены водой.

На грязи сохранились следы шин.

Свежие.

Ган присел.

Рисунок протектора чёткий.

Значит, дорога используется.

Он выбрал направление, где колея казалась глубже, и пошёл.

Через километр встретился дорожный знак.

Вернее, то, что когда-то было знаком.

Ржавый столб.

Круглая металлическая пластина без краски.

На обороте кто-то нацарапал ножом:

17

Ган остановился.

Объект 17-Б.

Совпадение могло быть случайным.

Он достал блокнот.

Записал.

17-Б. На дороге знак 17.

Потом посмотрел на запись.

Уже три.

Его начало раздражать собственное послушание правилам неизвестного автора.

Он захлопнул блокнот.

Дорога через несколько сотен метров вывела к асфальту.

Ган почувствовал облегчение.

На обочине стоял километровый столб.

Краска облезла, но цифры читались.

17

Он долго смотрел.

Потом медленно открыл блокнот.

Добавил ещё одну строку.

Снова 17.

Теперь инструкция обрела смысл.

Повторение — плохое доказательство, если заранее

ищешь подтверждение. Человек способен собрать знаки чего угодно: число в чеке, номер автобуса, время на экране, страницу книги. Дай разуму тему, и через неделю весь город начнёт подмигивать именно ею.

Ган это знал.

Поэтому не стал делать выводов.

Просто записал.

Дорога уходила в обе стороны.

Справа слышался далёкий двигатель.

Ган пошёл туда.

Через несколько минут показалась машина.

Старая белая «Нива».

Он вышел на обочину и поднял руку.

Машина замедлилась.

Водитель посмотрел на него через лобовое стекло.

Мужчина лет шестидесяти.

Борода.

Вязаная шапка.

Он проехал ещё метров десять и остановился.

Ган подошёл.

Стекло опустилось.

— Добрый день.

Мужчина смотрел внимательно.

— Добрый.

— Подскажите, где я?

Водитель чуть прищурился.

— А куда тебе надо?

Вопрос прозвучал почти естественно, однако Ган почувствовал неприятный укол.

— Для начала понять, где я.

Мужчина посмотрел на его голову.

— Ударился?

— Похоже.

— Садись.

— Куда едете?

— В посёлок.

— Какой?

Мужчина назвал слово.

Ган его не расслышал.

Или расслышал, но оно почему-то сразу исчезло из памяти.

— Простите, ещё раз?

Водитель повторил.

Звук дошёл.

Смысл — нет.

Будто название состояло из знакомых слогов, которые отказывались складываться.

Ган нахмурился.

— Что?

— Я говорю, в посёлок еду. Садись, довезу.

Ган открыл дверь.

Салон пах бензином, собакой и табаком.

На заднем сиденье лежала синяя куртка.
Водитель тронулся.
Несколько минут ехали молча.
— Телефон есть? — спросил Ган.
Мужчина посмотрел на него.
— Есть.
— Можно позвонить?
— Кому?
— Домой.
Водитель протянул старый смартфон.
Ган взял.
Разблокирован.
Экран показывал:
14 октября 2026
11:43
Значит, дата совпадает.
Он открыл набор номера.
И замер.
Номер дома помнил.
Номер матери.
Рабочий.
Свой собственный.
А кому звонить первым?
Женщина с зелёным кольцом снова вспыхнула в памяти.
Имя отсутствовало.
Ган набрал свой номер.

Сеть долго молчала.
Потом женский электронный голос сообщил:
«Абонент временно недоступен».
Он набрал мать.
Соединение.
Гудок.
Второй.
Третий.
— Алло?
Ган закрыл глаза.
Голос матери.
Настоящий.
— Мам.
Пауза.
— Ган?
Что-то в её интонации изменилось.
— Да.
— Ты где?
Он посмотрел в окно.
Лес.
— Вот это я как раз пытаюсь выяснить.
Мать молчала.
— Мам?
— Ты один?
— Сейчас еду с человеком в посёлок. Слушай, со мной всё нормально. Почти. Я ударился головой и… кое-что пло-

хо помню.

Снова пауза.

Слишком длинная.

— Мам, что происходит?

В трубке послышался вдох.

— Ган, ты вчера мне звонил.

— Хорошо.

— Ты сказал, что едешь туда.

Он выпрямился.

— Куда?

— Ты сам так сказал.

— Куда, мам?

Она произнесла:

— В Бункер.

Ган почувствовал, как в салоне стало холоднее.

Водитель продолжал смотреть на дорогу.

— Я так и сказал? «В Бункер»?

— Да.

— Что это значит?

— Не знаю. Я спросила. Ты ответил, что потом объяснишь.

— С кем я был?

— Один.

— На машине?

— Кажется.

Красный свет на дороге.

Дворники.

Ремень.

Воспоминание вернулось на секунду.

— Какая машина?

— Твоя.

Ган посмотрел на водителя.

— Вы по дороге машину не видели?

Мужчина слегка повернул голову.

— Какую?

Ган описал.

Тот покачал головой.

— Нет.

— Мам, я перезвоню.

— Подожди.

Её голос стал резче.

— Ты дверь открыл?

Ган замер.

— Какую дверь?

Молчание.

— Мам?

— Ты вчера сказал странную вещь.

— Какую?

— Сказал: «Если утром позвоню и спрошу про дверь, напомни мне сначала спросить, кто её закрыл».

Ган перестал слышать двигатель.

Мир сузился до телефона.

— Повтори.

Мать повторила.

Медленно.

«Если утром позвоню и спрошу про дверь, напомни мне сначала спросить, кто её закрыл».

Ган посмотрел на свои руки.

— Я ещё что-нибудь говорил?

— Да.

— Что?

— Что нельзя торопиться.

Он закрыл глаза.

Карандашная надпись на двери.

НЕ ТОРОПИСЬ

— Мам, это мой почерк?

— Что?

— Ничего. Я потом позвоню.

— Ган…

— Всё нормально.

Он отключился раньше, чем она успела ответить.

Телефон остался в руке.

Мужчина за рулём сказал:

— Нашёлся?

Ган посмотрел на него.

— Что?

— Говорю, понял, где ты?

— Частично.

Водитель кивнул, словно подобный ответ его устраивал.
Дорога пошла вниз.
Между деревьями показались первые дома.
Ган вернул телефон.
— Спасибо.
Мужчина взял его и положил возле рычага передач.
Через минуту спросил:
— В бункере был?
Ган медленно повернул голову.
— Откуда вы знаете?
Водитель пожал плечами.
— А откуда ещё ты здесь возьмёшься?
— Что значит «откуда»?
— Там дорога одна.
— Вы знаете этот объект?
— Все знают.
Ган почувствовал облегчение.
Наконец-то что-то простое.
— Что это за место?
Мужчина посмотрел на него.
Удивился.
— Убежище.
— Чьё?
— Старое.
— Военное?
— Кто его знает. Раньше говорили — связь. Потом гово-

рили — гражданская оборона. Потом вообще закрыли.

— Кто туда ходит?

— Теперь?

— Да.

Мужчина помолчал.

— Никто.

Ган усмехнулся.

— Я оттуда вышел двадцать минут назад.

— Значит, кто-то ходит.

— Его обслуживают. Там журнал проверок. Последняя запись сегодняшняя.

Водитель перестал улыбаться.

— Сегодняшняя?

— Да.

— Четырнадцатое?

— Да.

Мужчина сильнее сжал руль.

Ган заметил это.

— Что?

— Ничего.

— Вы что-то знаете?

— Знаю, что туда лучше без дела не лазить.

— Почему?

— Потому.

Ган раздражённо выдохнул.

— Великолепный аргумент.

Мужчина спокойно ответил:

— Лучшие аргументы обычно такие. Длинные люди начинают сочинять, когда сами себе объясняют то, чего знать не могут.

Фраза неожиданно понравилась Гану.

— Философ.

— Электрик.

Они проехали несколько домов.

Посёлок выглядел маленьким. Деревянные заборы. Магазин. Автобусная остановка. Пара пятиэтажек дальше.

— Где вас высадить?

— У магазина.

Мужчина остановил.

Ган уже открыл дверь, когда водитель сказал:

— Там раньше дверь другая была.

— Где?

— В бункере.

Ган повернулся.

— Какая?

— Большая круглая. Как на корабле. Лет двадцать назад.

— Сейчас тоже тяжёлая металлическая.

— Я про внешнюю.

— Внешняя обычная.

Мужчина смотрел прямо перед собой.

— Вот и говорю. Другая была.

Ган ждал продолжения.

Его не последовало.

— Спасибо, — сказал он и вышел.

Машина уехала.

Возле магазина стояли две женщины с пакетами.

Одна посмотрела на Гана, потом на кровь возле виска, однако ничего не сказала.

На двери магазина висела бумага:

14 ОКТЯБРЯ
РАБОТАЕМ ДО 19:00

Ган усмехнулся.

Четырнадцать.

Снова.

Он почти потянулся за блокнотом и остановил себя.

— Нет.

Женщина возле магазина услышала.

— Что?

— Ничего.

Он вошёл.

Купил воды, хлеб, сыр, влажные салфетки и дешёвый зарядный кабель, хотя телефона у него по-прежнему не было.

Платить пришлось наличными.

Кошелёк нашёлся во внутреннем кармане рюкзака.

Это удивило.

Он точно не клал его туда.

В кошельке лежали деньги, банковская карта, водительские права и маленькая фотография.

Ган застыл возле кассы.
На фотографии была женщина.
Та самая?
Тёмные волосы.
Улыбка.
На руке — кольцо с зелёным камнем.
Рядом стоял он.
Моложе.
Оба смотрели не в камеру, а друг на друга.
На обороте рукой Гана было написано:
«Пока дверь открыта».
Он почувствовал, как внутри что-то проваливается.
Кассирша сказала:
— Мужчина, вы платить будете?
— Да.
Он протянул купюру.
На улице сел на скамейку.
Достал фотографию.
Смотрел долго.
Имя по-прежнему не приходило.
От этого становилось почти физически больно.
Можно забыть дату.
Адрес.
Пароль.
Но лицо человека, рядом с которым ты так смотришь?
Он перевернул фотографию.

«Пока дверь открыта».
Опять дверь.
Ган достал блокнот.
Записал фотографию.
Закрыл.
Потом снова открыл и написал вопрос:
КТО ЗАКРЫЛ ДВЕРЬ?

Под ним:
КАКУЮ?

Он сидел, пока вокруг шла обычная жизнь.
Люди входили в магазин.
Выходили.
Проехал автобус.
Собака рылась возле мусорного контейнера.
Где-то ребёнок кричал, что не хочет надевать шапку.
Мир обладал чудовищной способностью продолжаться независимо от того, что происходит внутри одного человека.
Ган посмотрел на часы над входом магазина.
12:17.
Он замер.
Семнадцать.
Объект 17-Б.
Знак 17.
Километр 17.
Теперь 12:17.
Он рассмеялся.

Вот оно.
Именно так начинается сумасшествие.
Человек замечает три совпадения, а четвёртое уже производит сам, потому что ждёт его.
Он специально отвернулся от часов.
Съел кусок хлеба с сыром.
Позвонил матери с телефона продавщицы, объяснил, где находится, попросил записать адрес посёлка и прислать знакомого или такси, если получится.
Потом спросил:
— Мам, кто на фотографии?
Тишина.
— Какой?
— У меня в кошельке. Женщина с зелёным кольцом.
Мать долго молчала.
— Ты серьёзно её не помнишь?
У Гана сжалось горло.
— Имя.
— Лея.
Лея.
Имя вошло мгновенно.
Будто дверь открылась внутри двери.
Лея.
Смех.
Зелёное кольцо.
Яблоки.
Комната.
Музыка.
Её волосы на подушке.

Ссора.
Дождь.
— Где она?
Мать ничего не ответила.
— Мам.
— Ган…
Он уже знал.
Иногда человек узнаёт ответ раньше слов.
— Когда?
— Два года назад.
Мир продолжал двигаться.
Автобус тронулся от остановки.
Собака нашла что-то в траве.
Женщина вышла из магазина с батоном.
Ган сидел, прижав телефон к уху.
— Как?
— Авария.
Красный свет.
Дождь.
Дворники.
Ремень безопасности.
Он резко встал.
Скамейка качнулась.
В памяти вспыхнула дорога.
Лея рядом.
Нет.
Другой день.
Другая дорога.
Он один.

Два года спустя.
Едет куда-то ночью.
Говорит по телефону:
«Я нашёл».
Чей голос отвечает:
«Ты уверен?»
«Нет».
«Тогда зачем едешь?»
«Чтобы проверить».
«Что именно?»
И его собственные слова:
«Где заканчивается память».
Ган выронил телефон.
Он упал на землю.
Женщина возле магазина вскрикнула.
Ган поднял аппарат.
— Простите.
Вернул хозяйке.
Мать продолжала говорить что-то из динамика.
Он снова приложил телефон к уху.
— Мам, я перезвоню.
— Не возвращайся туда.
Ган застыл.
— Почему?
— Потому что вчера ты сказал ещё одну вещь.
Он закрыл глаза.
— Какую?
— «Если я забуду Лею, значит, всё получилось».
Тишина.

Ган посмотрел на фотографию.
Женщина улыбалась ему из другого времени.
Он чувствовал любовь.
Это было самое страшное.
Любовь оставалась.
А память о человеке исчезла.
Как свет от звезды, которой уже нет.
Он сел обратно.
Долго смотрел на фотографию.
Потом достал блокнот и написал:

ЛЕЯ.
Большими буквами.
Ещё раз.

ЛЕЯ.

Ниже:

Я её любил.

Рука остановилась.

Потом дописала:

Люблю.

Он перечитал.

Слово оказалось точнее времени.

Через час за ним приехало такси.

До Москвы было далеко.

Водитель включил радио, потом, заметив состояние пассажира, убавил звук.

Ган смотрел в окно.

Лес сменился полями.

Потом деревнями.

Потом трассой.

Он пытался вспомнить Лею.

Воспоминания приходили странно.

Не событиями.

Фрагментами.

Как если бы кто-то разбил зеркало и оставил ему осколки.

Она резала яблоко и всегда съедала кожуру отдельно.

Она могла читать три книги одновременно и забывала, где какая лежит.

Она говорила: «Не ищи смысл там, где достаточно присутствия».

Она смеялась во сне.

Однажды написала на запотевшем окне:

«Всё, что закрыто, однажды станет дверью».

Ган резко выпрямился.

Эту фразу он помнил.

И вдруг увидел комнату.

Их комнату.

Окно.

Зима.

Лея рисует пальцем на стекле.

Он говорит:

— Красиво, но бессмысленно.

Она отвечает:

— Ты всегда путаешь смысл с инструкцией.

— А ты всегда превращаешь инструкцию в пророчество.

— Поэтому мы и живём вместе.

Он смеётся.

Она поворачивается.

Зелёный камень в кольце ловит солнечный свет.

Воспоминание исчезло.

Ган прижал ладонь ко лбу.

Водитель спросил:

— Вам плохо?

— Нет.

Ответ вылетел автоматически.

Ган почти усмехнулся.

Человек способен сказать «нет» даже в тот момент, когда его прошлое разваливается на части у него в голове.

Он открыл блокнот.

Записал фразу Леи.

Всё, что закрыто, однажды станет дверью.

Посмотрел на предыдущие записи.

«Ты уже здесь был».

Лопатка.

Семнадцать.

Фотография.

Лея.

«Кто закрыл дверь?»

Капля.

Странное слово возникло само:

повторение.

Ган вспомнил надпись в блокноте.

«Записывай то, что повторилось».

Он понял, что повторяется вовсе не число.

Дверь.

Она была везде.

В комнате.

В словах матери.

На фотографии.

В памяти Леи.

Даже его собственный вопрос о том, что произошло, имел форму двери: есть закрытая часть и есть надежда, что где-то существует ключ.

Ган достал металлический ключ из кармана.

Положил на ладонь.

Ключ от первой двери.

Он мог оставить его в замке.

Мог положить обратно в карман машинально.

Но сейчас ключ был здесь.

Тёплый от тела.

Ган долго смотрел на него.

На круглой головке с обратной стороны обнаружилась царапина.

Он раньше её не заметил.

Поднёс ближе.

Это была буква.

Или знак.

Маленькая спираль, перечёркнутая вертикальной линией.

Он провёл ногтем.

Рисунок был выгравирован глубоко.

Ган открыл блокнот и срисовал знак.

Потом посмотрел на него.

Знакомство снова возникло раньше памяти.

Он видел этот символ.

Где?

У Леи?

На документах?

Во сне?

Перед глазами мелькнуло дерево.

То самое, которое он будто бы видел раньше, хотя уже не мог вспомнить когда.

Огромное.

Ветки расходятся во все стороны.

Одна ветвь превращается в дорогу.

Другая — в реку.

Третья — в свет.

В центре дерева вращается тот же знак.

Ган моргнул.

Видение исчезло.

За окном шёл дождь.

Дворники машины двигались вправо-влево.

Вправо-влево.

Красный свет стоп-сигналов впереди растекался по мокрому стеклу.

Почти как в памяти.

Ган почувствовал, что сердце ускоряется.

— Остановите.

Водитель посмотрел в зеркало.

— Здесь?

— Да.

— До города ещё…

— Остановите.

Машина съехала на обочину.

Ган вышел.

Дождь был холодный.

Он стоял возле трассы, пока водитель раздражённо спрашивал, всё ли нормально.

— Нормально.

Опять это слово.

Ган дождался, пока машина уедет.

Остался один.

Перед ним тянулось поле.

За полем — лес.

Слева стояла заброшенная автобусная остановка.

Он спрятался под навес.

На стене были объявления, номера телефонов, старая реклама ремонта крыш, надписи подростков.

Ган машинально оглядывал их.

И увидел знак.

Спираль.

Вертикальная линия.

Точно такой же символ, как на ключе.

Нарисован чёрной краской.

Под ним — одно слово.

ВЕРНИСЬ

Ган смотрел на него долго.

Очень долго.

Дождь бил по жестяной крыше.

Мимо проходили машины.

Каждая на секунду освещала остановку фарами.

Символ вспыхивал и снова уходил в серую тень.

Ган достал блокнот.

Рука дрожала.

Он записал:

Знак повторился.

Ниже:

Вернись.

Он поднял голову.

Трасса шла к Москве.

Туда, где был дом, мать, документы, врачи, ответы, которые можно проверить.

Позади оставались лес, посёлок и Бункер.

Ган стоял между двумя направлениями.

Перед глазами вдруг возникло лицо Леи.

На этот раз отчётливо.

Она сидит на полу среди книг.

Говорит:

— Ты когда-нибудь замечал, что человек почти всегда считает дверью то, через что собирается уйти?

— А что ещё считать дверью?

— То, через что можно войти.

— Разница философская.

— Разница огромная.

Она улыбается.

— Выход принадлежит бегущему. Вход — ищущему.

Ган закрыл глаза.

Дождь шумел.

Он понимал, что воспоминание могло быть искажено.

Мозг умеет дописывать прошлое не хуже писателя.

Особенно когда отчаянно хочет найти сюжет в хаосе.

Ган открыл глаза.

Посмотрел в сторону Москвы.

Потом туда, откуда приехал.

Достал ключ.

Маленький металлический предмет лежал на ладони, и в его нелепой простоте было что-то почти насмешливое.

Вся человеческая история построена на дверях.

Рождение.

Дом.

Храм.

Тюрьма.

Кабинет врача.

Спальня любимого человека.

Граница.

Могила.

Мы входим, выходим, хлопаем, запираем, оставляем ключ под ковриком, забываем его внутри, возвращаемся через полгорода, ругая себя за рассеянность, и редко замечаем, что большая часть нашей жизни проходит именно в переходах между одним пространством и другим.

Человек думает, что выбирает комнаты.

Возможно, он выбирает двери.

Ган спрятал ключ.

Поймал попутную машину.

Назвал посёлок.

Водитель переспросил.

На этот раз название прозвучало ясно.

Ган услышал его.

Запомнил.

И почти сразу понял, что уже знал.

Так иногда узнают мелодию со второй ноты.

Через полтора часа он снова стоял возле магазина.

День клонился к вечеру.

Небо потемнело.

До леса пришлось идти пешком.

Красные метки находились легко.
Он поднялся на холм.
Вход в Бункер ждал.
Ган включил фонарь и полез внутрь.
Земля осыпалась под ботинками.
Внешняя дверь осталась открытой.
Коридор встретил его электрическим гулом.
Лампы горели.
Он прошёл мимо схемы.
Мимо склада.
Мимо надписи:
ТЫ УЖЕ ЗДЕСЬ БЫЛ

Дошёл до первой комнаты.
Дверь была закрыта.
Ган остановился.
Он точно оставлял щель.
Совершенно точно.
Подошёл ближе.
На металле по-прежнему белело:

ВЫХОД

А карандашная надпись исчезла.
НЕ ТОРОПИСЬ больше не было.
Ган провёл ладонью по месту, где видел слова утром.
Чистая краска.
Он достал ключ.

Вставил.
Повернул.
Дверь открылась.
Комната выглядела почти так же.
Койка.
Стол.
Шкаф.
Капля.
Часы.
4:17.
Только на столе теперь лежал новый лист бумаги.
Ган вошёл.
Закрыл дверь за собой.
Подошёл к столу.
На листе было написано его рукой:

ХОРОШО, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛСЯ.

Ган сел.
Долго смотрел на фразу.
Потом перевёл взгляд на блокнот.
На ключ.
На часы.
На каплю, падающую в маленькую лужу.
Кап.
Пауза.
Кап.

И впервые за весь день ему пришло в голову, что главный вопрос, возможно, действительно звучал неправильно.

Он всё время спрашивал:
кто запер дверь?
Хотя следовало спросить:
зачем он сам однажды попросил её закрыть?

Глава 2. Четыре стены

«Людей тревожат не вещи, а представления о вещах».

Эпиктет

Ган перечитал записку ещё раз.

ХОРОШО, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛСЯ.

Чернила были свежими.

Это он понял почти сразу — не потому, что обладал опытом криминалиста, а потому, что край одной буквы слегка расплылся там, где бумага впитала слишком много пасты. Такой след высыхает быстро. Несколько минут, может быть, четверть часа, однако уж точно не месяцы и не годы.

Он коснулся строки пальцем.

Сухо.

Почерк действительно был его.

Теперь сомневаться приходилось уже не в сходстве отдельных букв. «Ш» он всегда писал чуть выше соседних знаков, будто буква пыталась выбраться из строки; у «Т» оставлял длинную верхнюю перекладину, а «Я» начинал снизу, хотя ещё в школе учительница русского языка уверяла, что так писать неудобно и некрасиво. Привычка пережила учительницу, школу, институт и несколько попыток перейти на печатные заметки.

Эту записку написал он.

Вопрос заключался лишь во времени.

Ган поднял голову.

Комната выглядела спокойной.

Настолько спокойно, что именно это начинало раздражать.

Койка стояла у стены. Металлический шкаф был закрыт. Канистра возле трубы осталась там, где он её видел утром. Капля падала всё с той же монотонностью, будто день, лес, дорога, телефонный разговор с матерью и возвращение сюда существовали только для него, а помещение за это время прожило ровно один удар воды о бетон.

Кап.

Он посмотрел на часы.

4:17.

Стрелки по-прежнему стояли.

Ган подошёл ближе и снял часы со стены.

На обороте обнаружился пластиковый корпус, крышка батарейного отсека и маленькая наклейка производителя. Обычные дешёвые часы. Ни проводов, ни механизма, достойного тайного убежища, ни скрытого передатчика.

Батарейка была внутри.

Он вынул её, подождал и вставил обратно.

Секундная стрелка дёрнулась.

Замерла.

Ещё раз дёрнулась.

И вдруг пошла.

Тик.

Тик.

Тик.

Ган уставился на неё.

Через двенадцать секунд стрелка остановилась.

На цифре четыре.

Он вынул батарейку снова.

Проверил контакты.

Вставил.

Стрелка дошла до восьми и замерла.

— Великолепно.

Он положил часы на стол.

Не стоило превращать каждую неисправность в послание. Старые батарейки умирают совершенно прозаически и не обязаны при этом объяснять устройство Вселенной.

Однако цифры 4:17 уже застряли в сознании.

Четыре стены.

Семнадцать.

Объект 17-Б.

Километр семнадцать.

Часы.

Если долго смотреть на мир через одно отверстие, рано или поздно всё начинает принимать его форму.

Ган отвернулся.

Главной задачей становилось восстановить последовательность событий.

Когда он попал сюда?

Как получил травму?

Куда делась машина?

Кто закрыл дверь?

Когда была написана записка?

И самое неприятное: какую часть происходящего он организовал сам?

Он сел на край койки.

Матрас скрипнул.

В комнате стало тесно.

Четыре стены внезапно перестали быть архитектурой и превратились в систему координат.

Ган поднялся.

Подошёл к первой.

Бетон был грубый, серый, местами покрытый мелкими тёмными точками. На высоте плеча проходила тонкая трещина. Она начиналась у угла, поднималась, потом раздваивалась, напоминая русло реки на карте.

Вторая стена почти целиком была занята шкафом и трубами.

Третья — дверь, выключатели, пустое место, где утром находилась надпись «НЕ ТОРОПИСЬ».

Четвёртая — койка и часы.

Он медленно обошёл комнату по периметру.

Первый круг занял двадцать три шага.

Второй — двадцать два.

На третьем Ган понял, что машинально укорачивает шаг

около стола.

Он остановился.

Смешно.

Человек способен измерять пространство сколько угодно точно, пока сам не становится частью измерительного прибора.

Он снял ремень.

Длина — около метра.

Проверил стены.

Три метра сорок два сантиметра.

Пять метров восемь.

Три сорок два.

Пять восемь.

Почти правильный прямоугольник.

Никакой мистики.

Он записал размеры в блокнот, а потом долго смотрел на страницу.

Вчера, если верить матери, он ехал сюда сознательно.

Значит, имел цель.

О цели память молчала.

Лея была связана с этой целью — скорее всего, напрямую. Он сказал матери: «Если я забуду Лею, значит, всё получилось».

Фраза казалась чудовищной.

Забыть человека, которого любил.

Добровольно.

Ради чего?

Ган сел за стол и положил перед собой фотографию.

Лея улыбалась.

Теперь лицо отзывалось уже не пустотой.

Внутри медленно загорались отдельные комнаты памяти.

Вот она идёт впереди по заснеженной улице и вдруг оборачивается, потому что почувствовала взгляд.

Вот спорит с продавцом на рынке из-за гранатов, доказывая, что плод с трещиной честнее идеально гладкого.

Вот лежит на полу, читает книгу и держит ноги на диване.

Вот режет яблоки.

Опять яблоки.

Этот образ возвращался слишком часто.

Ган попробовал не ловить его, а дать памяти развернуться самостоятельно.

Кухня.

Вечер.

На столе много яблок — красных, зелёных, жёлтых, некоторые с тёмными пятнами.

Лея держит одно перед лицом.

— Смотри.

— Смотрю.

— Что это?

— Яблоко.

— Ужасно.

— Что?

— Ты безнадёжен.

Она смеётся.

Потом режет яблоко пополам.

— Теперь?

— Два куска яблока.

— А если высушить?

— Сушёное яблоко.

— Если сварить?

— Пюре.

— Испечь?

— Пирог.

— Нарисовать?

— Изображение яблока.

— Сделать из косточек бусы?

— Очень неудобные бусы.

Она бросает в него полотенцем.

— Ты понимаешь, о чём я.

— О том, что тебе скучно готовить?

— О том, что одна сущность способна проявиться множеством способов, а ты всё время цепляешься за первую форму.

Ган замер.

Воспоминание было настолько отчётливым, что на секунду он почувствовал запах яблочной кожуры.

Лея продолжала:

— Мир не обязан каждый раз придумывать новую вещь.

Иногда достаточно изменить отношения между тем, что уже существует.

— Например?

Она складывает дольки яблока веером.

— Например, так.

Потом накладывает один ряд на другой.

— Или так.

Ган смотрит и пожимает плечами.

— Всё ещё яблоки.

— Конечно.

— Тогда что изменилось?

Лея улыбается.

— Конструкция.

Воспоминание оборвалось.

Ган сидел, держа фотографию.

За стеной что-то тихо щёлкнуло.

Он резко повернул голову.

Тишина.

Подошёл к двери.

Прислушался.

Коридор молчал.

Ган вернулся к столу.

Слово «конструкция» осталось внутри с той необычной ясностью, которая иногда приходит вместе с важным воспоминанием.

Возможно, Лея занималась архитектурой.

Или музыкой.

Или просто любила превращать кухню в философский факультет.

Он улыбнулся.

На секунду боль отступила.

Затем взгляд упал на записку.

«Хорошо, что ты вернулся».

Улыбка исчезла.

Ган перевернул лист.

На обратной стороне ничего.

Он поднёс бумагу к лампе.

Обычная офисная.

Посмотрел стол.

На нём лежала ручка.

Синяя.

Утром ручки не было.

Он был почти уверен.

Ган взял её.

Написал в блокноте:

Лея.

Паста совпадала по цвету.

Он написал:

Хорошо, что ты вернулся.

Сравнил.

Чернила те же или очень похожие.

Значит, записка могла быть написана этой ручкой.

Он осмотрел пальцы.

На среднем пальце правой руки возле ногтя виднелось небольшое синее пятно.

Ган застыл.

Чернила.

Он потер кожу.

След был свежий.

В памяти ничего.

— Значит, писал я.

Голос прозвучал хрипло.

Теперь возникала ещё более неприятная возможность.

Он мог вернуться сюда раньше.

Написать себе записку.

Потом снова выйти.

Получить ещё одну потерю памяти.

Вернуться второй раз, считая возвращение первым.

Мысль была настолько абсурдной, что Ган некоторое время просто сидел, пытаясь понять, существует ли у неё хотя бы физическая возможность.

Сколько времени прошло с утра?

Сейчас неизвестно.

На улице день клонился к вечеру, когда он вошёл обратно.

Если часы в магазине показывали около полудня, а затем была поездка, возвращение, путь через лес — сейчас могло быть четыре или пять вечера.

4:17.

Ган посмотрел на остановившиеся часы.
Совпадение.
Конечно.
Он подошёл к ним.
Секундная стрелка стояла возле четвёрки.
Минутная — на семнадцати минутах.
Часовая — возле четырёх.
Если часы просто сломались, почему именно это время?
Потому что сломались тогда.
Очевидное объяснение.
Но когда?
Он снял батарейку и положил рядом.
Больше экспериментировать не хотелось.
Возле шкафа заметил маленькую царапину на полу.
Ган присел.
Она была свежей.
Шкаф двигали.
Утром?
Он попробовал толкнуть.
Тяжёлый.
Пришлось упереться плечом.
Металл со скрежетом пошёл в сторону.
За шкафом открылась стена.
Сначала ничего необычного.
Потом Ган увидел линии.
Тонкие карандашные отметки.

Вертикальные.

Горизонтальные.

Некоторые пересекались.

Он передвинул шкаф ещё немного.

На бетоне была нарисована схема.

Не карта помещения.

Скорее сетка.

В центре — небольшой круг.

От него расходились линии к четырём точкам, расположенным примерно по сторонам света. Между ними шли дуги, спирали и короткие штрихи.

Внизу стояла дата.

17.04.2024

Ган почувствовал холод.

Семнадцатое апреля.

4:17.

Или 17.04.

Он провёл пальцем по цифрам.

Дата была написана его рукой.

Рядом находилась ещё одна.

04.17

Американский формат?

Или просто зеркальное повторение?

Под датой — фраза:

НЕ ВРЕМЯ. КООРДИНАТА.

Ган выпрямился.
Несколько секунд он смотрел на стену.
Потом рассмеялся.
Смех вышел нервным.
— Прекрасно. Конечно.
Он снова подошёл ближе.
Если 4:17 — не время, то что?
Координата чего?
На схеме центральный круг был соединён четырьмя линиями с углами прямоугольника.
Четыре стены.
Комната.
Возможно, он просто отмечал точки измерений.
Ган достал блокнот и срисовал схему.
На третьей линии заметил мелкие цифры:
1 / 2 / 3
Возле центра:
0
Он остановился.
Ноль.
Один.
Два.
Три.
Очень знакомая последовательность.
В голове снова всплыло Леино яблоко.
Одна сущность.
Разные положения.
Конструкция.
Он наклонился ближе.

Линии действительно выглядели как несколько копий одной фигуры, смещённых относительно центра.
Сначала круг.
Потом та же окружность чуть вправо.
Ещё одна ниже.
Третья перекрывает обе.
При наложении образовывались лепестки.
Ган почувствовал, что видел это раньше.
Где?
Не мог вспомнить.
Он провёл рукой по рисунку.
Вдруг за стеной снова раздался щелчок.
На этот раз отчётливый.
Ган обернулся.
Щёлкнуло ещё раз.
Не в коридоре.
В стене.
Там, где находилась схема.
Он приложил ладонь к бетону.
Лёгкая вибрация.
Гул.
Потом тишина.
Ган прислушался.
Через несколько секунд звук повторился.
Три коротких импульса.
Пауза.
Один.
Пауза.
Два.

Он отнял руку.
Невольно посмотрел на числа на схеме.
—
—
—
—
— Нет.
Он сказал это почти раздражённо.
Мозг уже начинал соединять всё со всем.
Это опасная стадия любого поиска: после первых удачных связей разум переживает восторг собственного всемогущества и перестаёт отличать закономерность от жадности.
Ган знал эту ловушку.
Когда человек ждёт знака, мир становится чрезвычайно услужливым.
Он отошёл от стены.
Взял воду.
Сделал несколько глотков.
Головная боль усилилась.
Вероятно, стоило найти врача, а не заниматься археологией собственной психики в подземном помещении.
Эта мысль звучала столь разумно, что Ган даже почувствовал уважение к себе.
Он собрал рюкзак.
Подошёл к двери.
Положил руку на ручку.
И увидел на внутренней стороне двери маленькую

царапину.
Раньше она скрывалась под углом света.
Спираль.
Та же, что на ключе.
Ган застыл.
Рядом было написано:

СТЕНА 1

Он повернулся к комнате.
Посмотрел на стену со схемой.
В углу, почти у пола, обнаружилась ещё одна надпись:

СТЕНА 2

Он пошёл дальше.
Возле трубы:

СТЕНА 3

Около койки:

СТЕНА 4

Ган медленно выдохнул.
Кто-то — он сам, вероятнее всего — пронумеровал стены.
Зачем?
Он подошёл к первой.
Дверь.
Спираль.
Стена 1.
Осмотрел поверхность.

Ничего.
Провёл ладонью.
Металл.
Вторая — схема за шкафом.
Третья — трубы.
Четвёртая — часы.
Четыре объекта.
Дверь.
Схема.
Вода.
Время.
Ган остановился.
Слишком красиво.
Именно поэтому опасно.
Дверь — пространство.
Схема — структура.
Вода — движение.
Часы — время.
Четыре базовые категории, словно кто-то заранее решил построить философский аттракцион.
Он усмехнулся.
— Очень тонко, Ган.
Если это действительно устроил он сам, прежняя версия его личности обладала совершенно невыносимой склонностью к символизму.
На третьей стене, возле трубы, обнаружилась маленькая металлическая пластина, прикрученная двумя винтами.
Он раньше принял её за часть коммуникаций.
На ней было выбито:

Ниже — стрелка.
Ган пошёл по направлению.
Стрелка указывала на трубу.
Он проследил её до потолка.
Труба уходила в стену.
Рядом стоял старый вентиль.
Ган потрогал.
Закрыт.
Повернул.
Сначала не поддался.
Он приложил силу.
Металл скрипнул.
Вентиль начал вращаться.
Где-то внутри системы зашумела вода.
Капля, падавшая с потолка, исчезла.
Ган замер.
Потом услышал движение по трубам.
Шорох.
Низкий гул.
На противоположной стене что-то щёлкнуло.
Схема.
Ган быстро подошёл.
Одна из линий стала темнее.
Нет.
Это было невозможно.
Он приблизился.

По тонкому углублению в бетоне текла вода.
Схема оказалась не просто карандашной.
Линии были процарапаны.
Влага, прошедшая по скрытому каналу, заполняла их одну за другой.
Центральный круг.
Первая дуга.
Вторая.
Третья.
Рисунок проявлялся.
Ган отступил.
Теперь схема напоминала цветок или мандалу.
В центре появился маленький символ — тот же знак спирали.
Вода дошла до края и остановилась.
Под рисунком проступили буквы.
Раньше они были почти невидимы.

СЛОЙ НЕ ДОБАВЛЯЕТ НОВОГО.
СЛОЙ МЕНЯЕТ СВЯЗИ.

Ган прочитал.
Ещё раз.
В памяти вспыхнула Лея.
«Всё ещё яблоки».
«Тогда что изменилось?»
«Конструкция».
Он сел прямо на пол.
На несколько минут исчезло всё остальное.

Странность помещения.

Боль.

Страх.

Даже вопрос, кто его сюда привёл.

Осталась одна мысль.

Он знал эту формулу.

Не как новую.

Как давно знакомую.

Лея говорила о ней.

Он тоже.

Возможно, они работали над чем-то вместе.

Музыкой?

Математической моделью?

Архитектурой?

Системой памяти?

Ган закрыл глаза.

Перед внутренним зрением возникли четыре звуковые дорожки на экране.

Первая начинается сразу.

Вторая — позже.

Третья — ещё позже.

Четвёртая — с дополнительным смещением.

Один и тот же фрагмент.

Наложение.

Волны.

Он слышит музыку.

Не мелодию — структуру.

Звук входит сам в себя, встречается со своей прошлой формой и создаёт гармонии, которых никто специально не сочинял.

Лея стоит рядом.

— Видишь?

— Слышу.

— Это одно и то же.

— Уже нет.

— Материал тот же.

— Поэтому и странно.

— Что изменилось?

Он отвечает:

— Время между копиями.

Лея качает головой.

— Отношения.

Ган открыл глаза.

Сердце билось быстро.

Воспоминание было реальным.

Он почти слышал её голос.

Значит, до Бункера существовал какой-то эксперимент.

Наложение.

Слои.

Время.

Память.

Возможно, именно память стала следующим материалом.

Мысль возникла настолько неожиданно, что он долго не решался продолжить её.

Если одну музыкальную дорожку можно повторить с временным сдвигом, что произойдёт, если так же наложить воспоминание?

Одно событие.

Потом то же событие, пережитое спустя год.

Потом ещё раз — после потери человека.

Материал тот же.

Отношения меняются.

В результате возникает новое значение.

Лея умерла два года назад.

Он приехал сюда вчера.

Зачем?

Ган посмотрел на четыре стены.

Возможно, каждая соответствовала определённому слою памяти.

Дверь — событие.

Схема — связи.

Вода — движение между состояниями.

Время — смещение.

Он снова остановил себя.

Слишком рано.

Красивые гипотезы опаснее глупых именно потому, что в них приятно жить.

Ган встал.

Закрыл вентиль.

Вода в линиях стала медленно исчезать.

Схема бледнела.

Он заметил возле пола небольшой выступ.

Нажал.

Щёлкнул замок.

Из стены выдвинулся узкий металлический ящик.

Ган замер.

Внутри лежала флешка.

Старая, чёрная.

На ней белым маркером написано:

1

Больше ничего.

Он взял её.

В комнате не было компьютера.

По крайней мере, на виду.

Ган осмотрел шкаф тщательнее.

На нижней полке за одеялом обнаружился небольшой ноутбук.

Старый, толстый, без логотипа.

Он вынес его на стол.

Нажал кнопку.

Экран не загорелся.

Рядом лежал блок питания.

Розетка работала.

Через несколько минут индикатор ожил.

Ган запустил устройство.

Система загрузилась медленно.

Никакого пароля.

На рабочем столе одна папка:

BUNKER

Он открыл.

Внутри четыре каталога.

0

1

2

3

Ган почувствовал, как внутри снова натянулась невидимая струна.

Он вставил флешку.

Появился один файл.

Аудио.

Название:

A_0

Ган нажал.

Сначала — шум.

Потом собственный голос.

Он говорил спокойно.

Очень близко к микрофону.

— Если ты это слушаешь, значит, первый слой сохранился.

Пауза.

Ган застыл.

Голос продолжал:

— У тебя возникнет желание восстановить всё сразу. Не делай этого. Память собирается хуже любого архива: слишком быстро найденный ответ становится хозяином последующих вопросов.

Ган наклонился ближе.

Собственный голос казался почти чужим.

— Начни с комнаты. Она проще тебя. Четыре стены, четыре способа удерживать реальность. Пока ты различаешь их, ты различаешь себя.

Шорох.

Будто записывающий поправил микрофон.

— И ещё. Если Лея вернулась первой, значит, система выбрала правильную глубину.

Ган перестал дышать.

На записи его голос стал тише.

— Прости.

Аудио закончилось.

Экран показывал длительность:

01:17

Ган сидел неподвижно.

«Если Лея вернулась первой».

Следовательно, потеря памяти была запланирована.

Не авария.

Не случайный удар.

Система.

Его собственная.

Ган почувствовал тошноту.

Он сам сделал это с собой.

Почти наверняка.

Но зачем?

На флешке был ещё один скрытый файл.

Он появился после обновления окна.

Текстовый документ.

Ган открыл.

Три строки.

Первая стена удерживает форму.

Вторая — отношения.

Третья — движение.

Четвёртая — время.

Ниже:

Пятая возникает только тогда, когда ты перестаёшь искать её снаружи.

Ган откинулся на спинку стула.

Вот теперь всё это действительно начинало походить на эксперимент человека, который слишком долго разговаривал с самим собой.

Пятая стена.

Прекрасно.

Следующим открытием наверняка станет шестой потолок.

Он закрыл документ.
Хотел выключить компьютер.
И заметил маленький значок камеры.
В верхнем углу экрана горел зелёный индикатор.
Веб-камера была активна.
Ган поднял голову.
В рамке над монитором находился крошечный объектив.
Он закрыл его пальцем.
На экране появилось сообщение:
ПОТОК ПРЕРВАН
Ган замер.
Поток.
Куда?
Он открыл настройки.
Камера записывала видео.
Файл сохранялся локально.
Папка:
SESSION_17
Он открыл её.
Там уже лежали записи.
Много.
Даты.
14 октября.
Сегодня.
Первая запись началась в 03:58.
Ган нажал.

На экране появилась эта же комната.

Пустая.

4:03.

Дверь открывается.

Входит Ган.

Он выглядел иначе.

Чистая одежда.

Без крови.

Спокоен.

Закрывает дверь.

Ставит на стол рюкзак.

Подходит к камере.

Проверяет кадр.

Ган возле ноутбука смотрел на самого себя, снятого несколько часов назад.

На записи тот сел за стол и сказал:

— Сессия семнадцать. Четырнадцатое октября. Начало в четыре ноль пять.

Ган невольно посмотрел на часы.

4:17.

На видео он продолжал:

— Последовательность сохраняем. Первым убираем эпизодические связи последних сорока восьми часов. Затем доступ к Лее. Якоря оставляем.

У Гана похолодели ладони.

На записи он достал из рюкзака медицинский прибор.

Похожий на обруч с электродами.

Надел на голову.

Подключил кабель к ноутбуку.

— Физические навыки, язык, автобиографическое ядро до двадцати лет не трогаем. Семантическую память сохраняем полностью. Пространственную — частично.

Он говорил как специалист.

Спокойно.

Будто речь шла о резервном копировании диска.

— Цель: проверить, способны ли отношения между сохранёнными элементами восстановить удалённую структуру без прямого доступа к исходному содержанию.

Ган почувствовал, как у него дрожат пальцы.

На экране прошлый Ган улыбнулся.

— Если получится, память — это не склад.

Пауза.

— Это мандала.

Он произнёс слово совершенно естественно.

Ган смотрел.

Мандала.

Почему оно отозвалось внутри так сильно?

На записи Ган продолжил:

— Лея была права насчёт яблока. Мы слишком долго считали единицей сам объект. Возможно, единица — отношение.

Он снял обруч.

Подошёл к стене.

Проверил схему.

Потом вернулся.

— Если я проснусь и не вспомню её, но соберу снова из запаха яблок, зелёного кольца, двери, четырёх стен и фразы на стекле, значит, связь существует глубже носителя.

Он замолчал.

Долго смотрел прямо в камеру.

Потом сказал:

— А если не соберу…

Фраза осталась незаконченной.

Он выключил запись.

Ган сидел перед экраном.

Не моргал.

Видео закончилось в 04:16.

Следующий файл начинался в 04:17.

Он нажал.

На экране комната.

Ган лежит на матрасе.

Обруч рядом.

Через несколько секунд тело дёргается.

Рука ударяется о край металлической койки.

Голова — о пол.

Вот откуда кровь.

Он не был избит.

Не попадал в аварию.

Потерял сознание во время собственного эксперимента и при падении ударился.

Запись шла дальше.

Через несколько минут Ган на видео начинает приходить в себя.

Именно то пробуждение, которое он считал началом дня.

Капля.

Темнота.

Поиск двери.

Всё записано.

Ган перемотал.

Увидел, как утром включает свет.

Находит записку «Если ты читаешь это…».

Выходит.

Запись заканчивается после его ухода.

Следующий файл.

13:26.

Дверь открывается.

Ган входит.

Нынешний Ган уставился на экран.

Он возвращался сюда днём.

До того, как помнил возвращение вечером.

Вот оно.

Он вошёл, держась за голову.

Подошёл к столу.

Долго смотрел в камеру.

Потом сказал:
— Первый внешний цикл пройден.
Достал ручку.
Написал:
ХОРОШО, ЧТО ТЫ ВЕРНУЛСЯ.

Положил лист на стол.
Затем открыл ноутбук.
Что-то сделал.
На записи звука почти не было.
Потом произнёс:
— Слишком быстро.
Задумался.
— Лея вернулась через четыре часа. Значит, эмоциональные связи сильнее последовательной памяти.
Он улыбнулся.
Тихо.
— Ты была права.
Кому он говорил?
Лее?
Камере?
Себе?
Записанный Ган подошёл к стене и стёр карандашную надпись «НЕ ТОРОПИСЬ».
Затем вышел.
Ган остановил видео.
Итак.
Он уже возвращался.

Написал записку.
Снова ушёл.
И позже забыл этот эпизод.
Значит, эксперимент продолжал стирать недавнюю память даже после пробуждения.
Или существовало несколько циклов воздействия.
Он открыл следующий файл.
14:02.
Комната пустая.
14:17.
Щелчок.
На стене включается скрытый механизм.
14:17.
Опять семнадцать.
Ган уже не улыбался.
Он открыл свойства папки.
Последний файл создавался прямо сейчас.
Камера всё ещё записывала.
Он посмотрел на маленькое изображение самого себя в углу экрана.
Сидящий мужчина.
Бледное лицо.
Разбитый висок.
За спиной четыре стены.
Изображение имело лёгкую задержку.
Ган поднял руку.
Через мгновение экранный Ган повторил.
Он помахал.
Отражение ответило позднее.

Полсекунды.
Может быть, меньше.
Ган замер.
Поднял руку снова.
Посчитал.
Раз.
Экран повторил.
Задержка около секунды.
Он сделал ещё раз.
Теперь почти две.
Ган нахмурился.
Видеопоток мог тормозить.
Старый ноутбук.
Ничего необычного.
Он поднял обе руки.
Экранный Ган остался неподвижен.
Секунда.
Две.
Три.
Потом поднял одну.
Правую.
Ган медленно опустил свои руки.
Человек на экране держал правую поднятой.
И вдруг повернул голову к стене.
Ган не двигался.
Изображение на экране смотрело в сторону схемы.
Потом снова прямо в камеру.
Ган вскочил.
Стул упал.

Экран мигнул.

Видео вернулось в норму.

На нём он стоял точно так же, как сейчас.

Дыхание участилось.

Он закрыл камеру ладонью.

Сообщение:

ПОТОК ПРЕРВАН

Снял руку.

Изображение появилось.

Теперь без задержки.

Ган смотрел на себя.

Самое разумное объяснение — сбой буфера.

Запись могла на секунду показать старый фрагмент.

Правда, он не помнил, чтобы сидел с поднятой правой рукой.

Но мог.

За день столько раз двигался, что невозможно хранить каждую секунду.

Он поднял стул.

Сел.

На экране сделал то же самое.

— Хорошо.

Собственный голос вернулся из динамиков с едва заметным эхом.

Ган выключил камеру.

Индикатор погас.

Комната стала тише.
Он почувствовал облегчение.
Потом заметил папку, которой раньше не было.
На рабочем столе.
WALL_5
Ган не двигался.
Папка находилась под каталогом BUNKER.
Он точно не видел её раньше.
Открыл.
Внутри один текстовый файл.
Без названия.
Он нажал.
Белое окно.
Одна фраза:
ТЫ СЛИШКОМ РАНО ИЩЕШЬ ПЯТУЮ СТЕНУ.
Ган почувствовал, как вдоль позвоночника прошёл холод.
Вторая строка появилась прямо на глазах.
Словно кто-то печатал с другого конца связи.
СНАЧАЛА ПОЙМИ, ПОЧЕМУ ЧЕТЫРЁХ ТЕБЕ НЕДОСТАТОЧНО.

Он отодвинулся.
Курсор мигал.
Ган положил руки на клавиатуру.
Написал:

КТО ТЫ?

Ответ появился спустя несколько секунд.

ТЫ ЗНАЕШЬ.

Ган сжал зубы.

НЕТ.

Пауза.

ТОГДА ПОКА ЭТО ЛУЧШИЙ ОТВЕТ.

Он закрыл окно.

Оно открылось снова.

Ган выключил Wi-Fi.

Значок сети исчез.

Строка появилась:

СЕТЬ ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЁМ.

Он выдернул кабель питания.

Ноутбук продолжал работать от батареи.

Ган удерживал кнопку выключения.

Экран погас.

Чёрный прямоугольник несколько секунд отражал его лицо.

Потом в центре возникла белая точка.

Ноутбук был выключен.

Точка светилась.

Расширилась в тонкую вертикальную линию.

Ещё мгновение — и погасла.

Ган закрыл крышку.

Тишина.

Капли больше не было.

Он только теперь вспомнил, что перекрыл вентиль.

Абсолютная тишина оказалась тяжелее прежнего звука.

Ган медленно обошёл комнату.

Первая стена.

Вторая.

Третья.

Четвёртая.

Он прикасался к каждой ладонью.

Холодный бетон.

Металл.

Трубы.

Шероховатость.

Реальность.

Очень простая.

Почти ласковая в своей материальности.

Четыре стены существовали.

Именно поэтому он вдруг понял, почему они успокаивают.

Стена ограничивает.

Но граница одновременно сообщает форму.

Без неё невозможно сказать, где заканчивается одно и начинается другое.

Вода без берегов превращается в разлив.

Огонь без очага — в пожар.

Мысль без формы — в шум.

Человек без границы между собой и миром теряет возможность произнести слово «я».

Ган остановился в центре комнаты.

Вот что он, возможно, пытался проверить.

Если удалить часть содержания личности, сохранится ли форма отношений между оставшимися частями?

Если забрать имя любимой — вернётся ли любовь к ней по следам?

Если стереть событие — восстановится ли оно через структуру связей?

Если убрать дверь из памяти — начнёт ли человек искать её?

Он посмотрел на четыре стены.

Лея вернулась.

Не целиком.

Но вернулась.

Через яблоки.

Кольцо.

Фотографию.

Фразу.

Запах.

Смех.

Не одним воспоминанием.

Множеством независимых дорог.

Каждая вела к ней.

Ган почувствовал неожиданную нежность.

Боль пришла следом, но уже другая.

Раньше утрата была чёрной дырой: он знал факт смерти и почти не видел человека.

Теперь Лея понемногу собиралась.

Не воскресала.

Становилась различимой.

Он закрыл глаза.

— Лея.

Имя больше не звучало чужим.

— Лея.

Тишина приняла его.

Ган долго стоял в центре комнаты.

Потом открыл глаза.

На четвёртой стене часы показывали 4:17.

Батарейка лежала на столе.

Стрелки не могли двигаться.

И всё же минутная стрелка теперь стояла на восемнадцати.

Ган подошёл.

Посмотрел.

4:18.

Он не тронул часы.

Не проверил механизм.

Не стал искать разумное объяснение.

Просто стоял.

Через минуту стрелка сдвинулась.

4:19.

Без батарейки.

Ган почувствовал, как помещение словно стало глубже.

Размеры остались прежними.

Три сорок два.

Пять восемь.

Двадцать с небольшим шагов по периметру.

Однако пространство больше не помещалось в собственных стенах.

Он вдруг понял, что утром считал Бункер местом, куда его заперли.

Теперь впервые возникла другая возможность.

Возможно, Бункер построили вовсе не для того, чтобы удержать человека внутри.

Возможно, он был создан, чтобы удержать **что-то ещё** — достаточно долго, пока человек не научится это различать.

На ноутбуке, закрытом и выключенном, тихо прозвучал сигнал.

Один.

Потом второй.

Ган не подошёл.

Третий.

Он всё-таки повернулся.

Экран оставался чёрным.

Из динамика раздался его собственный голос.

Очень тихо.
Почти шёпотом.
— Четыре стены достаточно, чтобы построить комнату.
Пауза.
Ган не дышал.
— Но недостаточно, чтобы построить Мир.
Тишина вернулась.
И где-то далеко за бетонной стеной снова упала капля.
Кап.
На этот раз Ган услышал в ней не отсчёт времени.
Он услышал расстояние.

Глава 3. Запас воды

«Высшее благо подобно воде».

Лао-цзы

Ган проснулся от жажды.

Она оказалась убедительнее всех вчерашних загадок.

Ещё несколько секунд он лежал, не открывая глаз, и чувствовал собственный рот — сухой, горячий, словно всю ночь дышал через песок. Голова болела уже иначе: тупо, без прежних вспышек, зато настойчиво. Затылок тянуло. Под рубашкой неприятно прилипла к спине ткань. Во сне он вспотел.

Сначала ему показалось, что он дома.

Так иногда бывает после слишком насыщенного дня: сознание выныривает медленно и успевает предложить привычную комнату раньше, чем глаза проверят реальность.

Потом нос уловил бетон.

Ган открыл глаза.

Лампа под потолком горела.

Часы показывали 4:26.

Он посмотрел на стол.

Батарейка по-прежнему лежала возле кружки.

Стрелки двигались.

Медленно.

Совершенно буднично.

4:27.

Ган приподнялся на локте.

— Доброе утро.

Никто не ответил.

Ноутбук был закрыт.

После вчерашнего разговора с выключенной машиной Ган поставил её на дальний край стола и решил не трогать до тех пор, пока не поспит хотя бы несколько часов. Решение оказалось первым разумным поступком за день.

Он лёг на койку прямо в одежде, укрылся одеялом и почти сразу провалился в сон.

Теперь тело предъявляло счета.

Ган сел.

На полу стояла начатая бутылка воды.

Он потянулся к ней и остановился.

В бутылке оставалось меньше трети.

В шкафу была ещё одна.

На складе он видел канистры.

Кроме того, существовала система водоснабжения, трубопровод, вентиль и неизвестно какой резервуар за стеной.

Жажда быстро превращает воду из детали интерьера в главный предмет мира.

Ган взял бутылку и сделал один глоток.

Потом второй.

Хотел допить, но закрутил крышку.

Сам жест показался смешным.

Вчера он размышлял о памяти, слоях, четвёртой и пятой

стенах. Сегодня сидел на койке и экономил двести миллилитров воды.

Так, вероятно, и должен выглядеть настоящий масштаб человека.

Можно сколько угодно изучать устройство сознания, но стоит организму потерять несколько процентов жидкости, и метафизика вежливо уступает место кружке.

Ган поднялся.

Первым делом умыл лицо остатками воды из металлической чашки, потом пожалел об этом. Холод приятно снял липкость со кожи, зато чашка опустела окончательно.

Он посмотрел на мокрые ладони.

— Отличное начало.

В аптечке нашлись антисептик, бинт, пластырь и обезболивающее. Он обработал рану на затылке, насколько смог, пользуясь маленьким зеркальцем из крышки аптечки. Повреждение выглядело неприятно, но уже подсыхало. Зрачки одинаковые. Тошноты почти нет. Сознание ясное, если не считать дыр в памяти и выключенного компьютера, который разговаривает человеческим голосом.

Для третьего дня новой жизни — терпимо.

Ган застегнул рюкзак и вышел в коридор.

Он решил начать с воды.

Не с пятой стены.

Не с камеры.

Не с файлов.

Не с Леи.

С воды.

От этого выбора внутри возникло неожиданное спокойствие.

Коридор пах так же, как вчера. Бетон, пыль, металл. Где-то работала вентиляция. Низкий гул шёл по потолку, вибрировал в трубах, растворялся за поворотом.

Ган прошёл к складу.

Канистры стояли вдоль дальней стены.

Пять больших, по двадцать литров, две поменьше. На каждой дата.

Август 2026.

Вода обновлена недавно.

Он открутил первую крышку.

Запах обычный.

На дне ни осадка.

Рядом лежала упаковка тест-полосок для определения кислотности, жёсткости и нескольких примесей. Ган нашёл инструкцию, провёл тест.

Показатели выглядели приемлемо.

Он всё равно решил кипятить.

На нижней полке обнаружилась небольшая туристическая газовая горелка, несколько баллонов, котелок.

— Так.

Слово прозвучало удовлетворённо.

Всё это напоминало поход, только лес находился сверху,

а палатка весила несколько тысяч тонн.

Ган перенёс одну канистру в комнату, налил воду в котелок, поставил на горелку.

Пламя зажглось с первого раза.

Голубой огонь выглядел почти уютно.

Он сел напротив.

Вода медленно нагревалась.

На поверхности появились первые пузырьки.

Ган смотрел на них и вдруг вспомнил Лею.

Она стояла у плиты.

Чайник кипел.

В окне был вечер.

— Ты опять налил слишком много, — сказала она.

— Вода лишней не бывает.

— Бывает. Когда ты кипятишь три литра ради одной чашки.

— Зато надёжно.

— Ты вообще человек избыточной надёжности.

— Это комплимент?

— Пока не решила.

Она выключила чайник раньше, чем он успел закипеть полностью.

— Зачем?

— Для зелёного чая не нужен кипяток.

— Опять твои ритуалы.

— Температура — уже ритуал?

— У тебя всё ритуал.

— А у тебя всё инструкция.

Он рассмеялся.

Воспоминание ушло легко, без боли.

Ган вдруг заметил разницу.

Ещё вчера память о Лее приходила как удар: лицо появлялось из пустоты и тут же напоминало о смерти. Теперь эпизод возник просто потому, что закипала вода.

Так возвращается человек.

Сначала событием.

Потом жестом.

Интонацией.

Тем, как держал кружку.

Тем, что раздражало.

Тем, чему никогда не придавал значения, пока жизнь не отняла возможность увидеть это снова.

Ган выключил горелку.

Перелил часть воды в кружку.

Остальную оставил остывать.

Он пил медленно.

Вода была тёплой, чуть металлической на вкус.

С каждым глотком становилось легче.

В голове прояснялось.

Бункер снова приобретал размеры.

Коридор был коридором.

Стена — стеной.

Лампа — лампой.

На несколько минут всё существовало без второго смысла.

Гану это понравилось.

Он достал блокнот.

Хотел записать количество воды.

Остановился.

На первой странице уже стояли странные знаки, имя Леи, вопрос о двери, схема стен.

Рядом с ними фраза «100 литров воды» выглядела почти издевательски.

И всё же именно её он написал.

Запас питьевой воды: около 100 л.

Посмотрел.

Добавил:

Проверить резервуар.

Потом ещё:

Не расходовать без учёта.

Он усмехнулся.

Вот теперь блокнот наконец стал похож на вещь взрослого человека, оказавшегося в убежище, а не на дневник начинающего пророка.

Ган перевернул страницу.

На обороте проступал след от вчерашней записи.

«ЛЕЯ».

Буквы слегка продавили бумагу.

Он провёл пальцем.

Вода и память.

Одна хранится в канистре.

Другая — неизвестно где.

И обе становятся заметны именно тогда, когда чего-то начинает не хватать.

Ган закрыл блокнот.

У стены склада висела техническая схема трубопровода.

Вчера он её не рассматривал.

Теперь подошёл.

Система оказалась довольно простой.

Основной бак располагался за северной стеной объекта. От него шли две ветки: питьевая и техническая. Отдельный накопитель обслуживал санитарный узел. Имелся ручной насос и резервная скважина.

На схеме бак был обозначен:

Р-17

Ган прикрыл глаза.

— Конечно.

Семнадцать снова появилось.

Он уже почти ожидал.

Однако рядом стояла вполне земная расшифровка:

Резервуар №17. Объём 2400 л.

Никакой тайны.

Он почувствовал облегчение.

Номер объекта 17-Б.

Резервуар 17.

Вполне логично.

Иногда число повторяется потому, что люди любят нумеровать имущество одинаковыми индексами.

Ган нашёл дверь технического помещения.

Она была заперта обычным навесным замком.

Ключ от первой комнаты не подошёл.

На стене рядом висел небольшой металлический ящик с красным крестом и надписью:

АВАРИЙНЫЕ КЛЮЧИ

Пломба сорвана.

Внутри три ключа.

Второй открыл дверь.

За ней сразу стало холоднее.

Фонарь выхватил трубы, манометры, большой цилиндрический резервуар, занимавший почти всю комнату.

На металле темнели потёки.

Ган подошёл.

Шкала уровня показывала чуть меньше половины.

Около тысячи литров.

Для одного человека — много.

Для группы — уже вопрос времени.

Он осмотрел соединения.

Под одним клапаном медленно собиралась капля.

Вот откуда часть звуков.

Капля увеличилась.

Упала в металлический поддон.

Звонко.

Ган прислушался.

Звук был другой, чем в комнате.

Выше.

Он неожиданно вспомнил первые секунды после пробуждения.

Тот звук был глуше.

Значит, капля в его комнате шла из другой трубы.

Смешно, но это показалось важным.

Он наклонился к баку.

На боку были мелом нанесены горизонтальные линии.

Возле каждой — дата.

Первая: июль.

Следующая: август.

Сентябрь.

Октябрь.

Уровень постепенно снижался.

Кто-то расходовал воду.

Ган провёл пальцем по последней линии.

Она находилась выше нынешнего уровня примерно на ладонь.

Под ней было написано:

14.10 — полный цикл.

Полный цикл чего?

Он посмотрел на бак.

Если вода ушла только за сутки, расход был огромным.

Сотни литров.

Утечка?

Ган опустился на колени и осмотрел пол.

Сухо.

Проверил трубы.

Лишь мелкие капли.

Потерять несколько сотен литров так невозможно.

Он подошёл к технической схеме.

Основной расход мог идти в санитарную ветку, в систему охлаждения или в скрытую линию, обозначенную буквой **К**.

Куда уходила линия К, на схеме не было.

Она просто исчезала за границей листа.

Ган нашёл соответствующую трубу.

Толстая, из нержавейки.

Она уходила в стену.

На вентиле висела табличка:

КОНТУР 0

Ган нахмурился.

Опять ноль.

Вторая труба рядом:

КОНТУР 1

Дальше:

КОНТУР 2

И четвёртая:

КОНТУР 3

Он некоторое время стоял молча.

Вчерашняя схема.

Ноль, один, два, три.

Четыре слоя.

Теперь четыре водяных контура.

Ган проверил вентили.

Контур 0 открыт полностью.

Первый — примерно на четверть.

Второй — наполовину.

Третий — почти закрыт.

На каждом стояла маленькая шкала.

—

—

—

—

Он почувствовал знакомое желание немедленно увидеть здесь систему.

И заставил себя остановиться.

Могли быть этапы охлаждения.

Уровни давления.

Последовательность подачи.

Цифры сами по себе ещё ничего не доказывают.

Он сфотографировал бы схему, будь телефон.

Пришлось срисовать.

Пока чертил, заметил на стене табличку с инструкцией.

Технический текст.

Давление.

Температура.

Проверка клапанов.

В самом низу рукой было приписано:

Не путать объём с запасом. Запас определяется скоростью расхода.

Ган прочитал.

Фраза понравилась.

Он переписал её в блокнот.

Потом задержал карандаш над страницей.

Смысл был бытовой.

Совершенно точный.

Тысяча литров — огромный запас, если расходуешь три литра в сутки.

Ничтожный, если система каждую ночь забирает пятьсот.

Значит, главным числом является не количество.

Поток.

Ган посмотрел на манометр.

Стрелка слегка колебалась.

Система работала.

Что-то прямо сейчас потребляло воду.

Он закрыл контур 3.

Манометр дрогнул.

Гул за стеной изменился.

Через несколько секунд под потолком погасла одна лампа.

Ган быстро открыл вентиль обратно.

Лампа загорелась.

— Интересно.

Вода была связана с электросистемой?

Возможно, охлаждение генератора.

Он нашёл щиток.

Подписей почти не было.

Только те же номера.

Ган всё больше раздражался.

Инженер, проектировавший это место, либо обладал страстью к минимализму, либо рассчитывал, что работать здесь будут люди, знающие систему наизусть.

Он решил ничего больше не перекрывать.

В технических помещениях любопытство нередко заканчивается гораздо быстрее философии.

На выходе взгляд зацепился за небольшой счётчик.

Цифровой дисплей.

417

Ган остановился.

Приблизился.

Под числом мелко:

л/цикл

Четыреста семнадцать литров за цикл.

Он почувствовал одновременно разочарование и облегчение.

Вот откуда 4:17?

Может быть.

Четыреста семнадцать.

Тогда часы, остановленные на 4:17, могли быть мнемоникой.

Или совпадением, которое его прежняя версия сознательно использовала.

Он открыл блокнот.

417 л / цикл.

Подумал и добавил:

4:17?

Вопросительный знак поставил особенно жирно.

Если один цикл расходует 417 литров, тысячного остатка хватит меньше чем на три цикла.

Что такое цикл?

Он вернулся к надписи на баке.

14.10 — полный цикл.

Значит, вчера система уже потратила около четырёхсот литров.

На что?

На процедуру стирания памяти?

Охлаждение оборудования?

Промывку?

Ган почувствовал неприятный холод.

Если эксперимент запускался через водяные контуры, вода была частью установки.

Он оглядел резервуар.

Вчера во время записи Ган надевал прибор на голову.

Кабель шёл к ноутбуку.

Но система могла включать гораздо больше.

Он подошёл к трубам.

Слышал движение.

Вода шла где-то за бетоном.

Вероятно, к скрытому оборудованию.

Ган вспомнил фразу из аудиозаписи:

«Первый слой сохранился».

Слой.

Контур.

Цикл.

Четыре стены.

Слишком много перекрёстных слов.

Однако сегодня он решил заниматься водой.

Именно водой.

Он нашёл техническую документацию в шкафчике.

Папка была толстая, пожелтевшая по краям.

На обложке:

СИСТЕМА РЕЗЕРВНОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ган сел прямо на пол.

Начал читать.

Большая часть текста относилась к вентиляции, насосам, фильтрации, аварийному электроснабжению.

Объект проектировали для автономного пребывания двенадцати человек в течение тридцати суток.

Вот уже что-то конкретное.

Двенадцать человек.

Тридцать суток.

Норма питьевой воды рассчитывалась отдельно.

Система рециркуляции технической воды позволяла существенно снизить расход.

Контуры 0—3 в документации отсутствовали.

Ган перелистал назад.

Нет.

На старой схеме водоснабжения четыре трубы вообще не были нанесены.

Значит, их добавили позже.

Кем?

Он поднялся и осмотрел сварные швы.

Металл был заметно новее остальной системы.

Модификация.

Современная.

Кто-то превратил старый бункер в лабораторию.

Вероятно, он сам участвовал.

В техническом шкафу нашлась ещё одна папка.

Без названия.

Внутри несколько листов.

На первом — расчёты.

Формулы.

Графики.

Ган смотрел и чувствовал странное узнавание.

Он понимал символы.

Не все.

Но достаточно, чтобы увидеть: здесь рассчитывали распространение волны в неоднородной среде.

Четыре сигнала.

Сдвиг фаз.

Задержки.

Амплитуды.

Вода?

На одном листе было написано:

Среда должна сохранять состояние между импульсами.

Ниже:

Вода подходит лучше воздуха.

Ган сел.

Вот теперь становилось интереснее.

Вода использовалась не только для охлаждения.

Она была средой.

Для чего?

Акустика?

Электромагнитные импульсы?

Система воздействия на мозг?

На следующей странице:

0 — исходный сигнал.

1 — задержка 1 периода.
2 — задержка 2 периода.
3 — задержка 3 периода.

Ган перестал читать.

Вчерашнее воспоминание.

Четыре дорожки.

Один музыкальный фрагмент со смещением.

Он перелистнул.

Схема труб повторяла музыкальную структуру.

Контур 0 получал сигнал сразу.

Контур 1 — позже.

Второй — ещё позже.

Третий — с максимальной задержкой.

Далее потоки соединялись в общем резервуаре.

Ган несколько секунд не мог понять.

Потом увидел.

Вода проходила через четыре контура в разное время и возвращалась в одну систему.

Тот же принцип.

А.

А со сдвигом.

А ещё со сдвигом.

А ещё.

Не новая вода.

Новая конструкция взаимодействий.

Он почти услышал Лею:

«Материал тот же».

Ган встал.

Прошёл вдоль труб до места, где четыре линии входили в большую закрытую камеру.

На ней не было маркировки.

Лишь маленькое окно.

За стеклом темнота.

Он посветил фонарём.

Внутри — вода.

Большой прозрачный цилиндр.

Тонкие металлические кольца окружали его на разных уровнях.

Сверху и снизу шли кабели.

На боковой панели маленький экран.

Ган нажал кнопку.

Загорелись данные:

РЕЖИМ ОЖИДАНИЯ

Ниже:

ЦИКЛ 17 ЗАВЕРШЁН

Ещё строка:
КОГЕРЕНТНОСТЬ: 62,4%

Ган почувствовал, как дыхание стало медленнее.

Когерентность.

Слово было знакомым.

В физике — согласованность фаз.

В оптике.
В волнах.
В системах.
Но здесь что именно измеряли?
Воду?
Сигнал?
Его мозг?
Следующая строка:

СУБЪЕКТ: ГАН

Он закрыл глаза.
— Ну конечно.
Открыл снова.
Имя осталось.
Под ним:

ЦЕЛЕВАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ: 68%
Почему 68?
Он машинально поискал связь с числом семнадцать.
Четыре на семнадцать.
Шестьдесят восемь.
Ган застыл.
$4 \times 17 = 68$.
Четыре стены.
Семнадцать.
Шестьдесят восемь.
Слишком стройно.

Он почувствовал почти детское раздражение.

— Кто это придумал?

Потом вспомнил видеозапись.

Скорее всего, он.

Это было хуже.

Когда загадку создаёт неизвестный, можно злиться на неизвестного.

Когда загадка создана тобой самим, раздражение некуда отправить.

Ган нажал стрелку на панели.

Появилось:

Предыдущий цикл: 58,9%

Ещё:

Цикл 15: 55,1%

Он листал.

Процент рос.

Медленно.

Сорок семь.

Пятьдесят.

Пятьдесят четыре.

Потом скачок.

В каждом цикле показатель увеличивался.

До какого момента?

На первом:

12,7%

Ган смотрел.

Семнадцать циклов эксперимента.

Каждый раз он, возможно, стирал часть памяти.

Проверял восстановление.

Что означает когерентность?

Насколько целостно сознание собирается обратно?

Он почувствовал сухость во рту.

И только теперь понял, что снова хочет пить.

Вода.

Он стоял перед двухтысячелитровым резервуаром и испытывал жажду.

Эта нелепость почти рассмешила.

Ган вернулся к канистре, налил кружку, выпил.

Тело приняло воду сразу.

Без вопросов.

Без философии.

Мозг продолжал работать.

Если система связана с памятью, а вода служит средой для сигналов, можно ли пить воду из общего резервуара?

Мысль неприятная.

Конечно, если речь об электромагнитных или акустических воздействиях, вода после прохождения контура не превращается в мистический носитель воспоминаний.

По крайней мере, в рамках известной физики.

Но неизвестное оборудование внутри старого бункера не способствовало беспечности.

Он решил использовать только запечатанные канистры,

пока не разберётся.

В папке нашёл лабораторные анализы.

Вода соответствовала санитарным нормам.

Дата — девятое октября.

Пять дней назад.

Подпись.

Ган.

Он узнал свой почерк.

Внизу — ещё одна подпись.

Л. Вейр

Л.

Ган замер.

Лея?

Нет.

Она умерла два года назад.

Вейр?

Её фамилия?

Он попытался вспомнить.

Лея…

Как её фамилия?

Пустота.

Фотография не подсказывала.

Ган достал кошелёк.

На обороте снимка лишь фраза.

Никакой фамилии.

Вейр могла быть кем угодно.

Коллегой.

Лаборантом.
Инженером.
Он переписал имя.
На следующем анализе:
Л. Вейр
На третьем тоже.
Дата — двенадцатое октября.
Два дня назад.
Значит, человек с инициалом Л. работал здесь совсем недавно.
Мать сказала, что Ган ехал один.
Но это не значит, что внутри никого не было.
Он почувствовал, как в техническом помещении стало теснее.
До сих пор присутствие другого человека существовало только как возможность.
Теперь была подпись.
Свежая.
Ган вышел в коридор.
— Есть кто-нибудь?
Голос ушёл далеко.
Вернулся ослабленным.
— …нибудь…
Он ждал.
Ничего.
Пошёл по коридору дальше, чем вчера.
За санитарным узлом обнаружилась ещё одна дверь.
На табличке:

ЛАБОРАТОРИЯ

Заперто.

Аварийные ключи не подошли.

Он постучал.

— Л. Вейр?

Тишина.

Собственное поведение показалось странным.

Если человек внутри, скорее всего, он уже слышал Гана.

Если нет, имя на двери ничего не изменит.

Он приложил ухо.

Ни звука.

На уровне глаз стояла цифровая панель.

Просила код.

Ган попробовал 0417.

Красный сигнал.

—

Нет.

—

Нет.

После третьей попытки система заблокировалась на пять минут.

— Прекрасно.

Он вернулся к воде.

Вот чем опасны двери: достаточно встретить одну закрытую, и вся остальная реальность временно теряет привлекательность.

Ган заставил себя заниматься задачей, ради которой пришёл.

Сколько воды осталось?

Сколько расходует система?

Как отключить экспериментальные контуры, не нарушив жизнеобеспечение?

Он нашёл расходомер.

В спокойном режиме система тратила около шести литров в час.

Слишком много.

За сутки — сто сорок четыре.

Основной бак опустеет быстро.

Куда уходят шесть литров ежечасно?

Контуры показывали почти нулевой расход.

Санитарная линия закрыта.

Утечек не видно.

Ган прошёл вдоль магистрали.

Счётчик продолжал крутиться.

Вода уходила.

Он прикладывал ладонь к трубам.

Питьевая — холодная.

Техническая — чуть теплее.

Линия К — горячая.

Значит, где-то работает оборудование.

Он пошёл по ней.

Труба проходила через стену, затем вдоль коридора, исче-

зала за потолочной панелью и снова появлялась возле двери лаборатории.

Вот куда уходит вода.

Лаборатория.

Ган постоял.

Если внутри работает система, расход может быть нормальным.

Но почему помещение заперто?

Он вернулся к панели.

Блокировка закончилась.

Четыре цифры.

Попробовал дату Леи?

Он не знал.

Свою дату рождения помнил.

Не подошла.

Дата эксперимента — 1410.

Нет.

Цикл — 0017.

Нет.

Панель снова заблокировалась.

Ган почувствовал злость.

— Ты серьёзно?

Коридор молчал.

Он сел на пол напротив двери.

Попил воды.

Посмотрел на стену.

Возле панели кто-то нацарапал маленькую букву:
В

Под ней:
ода
Вода.
Ган прищурился.
Слово выглядело написанным недавно.
Он провёл пальцем.
Карандаш.
«Вода».
Код?
Он перевёл буквы в цифры по телефонной клавиатуре.
В — 2.
О — 6.
Д — 3.
А — 2.

—

Через пять минут попробовал.
Панель загорелась зелёным.
Замок щёлкнул.
Ган засмеялся.
— Прекрасно.
Дверь открылась.
За ней пахло озоном и влажным металлом.
Лаборатория была больше, чем ожидалось.
Несколько столов.

Мониторы.

Стеллажи с контейнерами.

В центре — круглая платформа, окружённая прозрачными трубками с водой.

На кресле лежал тот самый обруч с электродами, который он видел в видеозаписи.

Рядом — другой.

Меньше.

Система работала.

Синие индикаторы мерцали.

Насосы негромко гудели.

Вода циркулировала по прозрачным контурам.

Вот куда уходил запас.

Ган подошёл.

На центральном экране:

ПОСТЦИКЛОВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

Оставшееся время:

06:17:42

Он тихо выругался.

Ещё шесть часов.

Система потребляет воду для стабилизации после процедуры.

Теперь многое становилось понятнее.

Он нашёл кнопку справки.

Текст:

После завершения когерентного цикла контуры

продолжают циркуляцию среды до достижения температурного и фазового равновесия. Прерывание процесса допускается при критическом расходе ресурса.

Фазовое равновесие.

Вода.

Четыре контура.

Ган посмотрел на прозрачные трубки.

Потоки двигались с разной скоростью.

В первом — быстро.

Во втором — медленнее.

Третий давал заметную пульсацию.

Четвёртый словно стоял, хотя пузырьки подтверждали движение.

В центре они соединялись.

Никакой магии.

Насосы.

Клапаны.

Контроллеры.

И всё же картина была завораживающей.

Один поток входил в систему.

Разделялся.

Проходил разные траектории.

Возвращался.

Вода оставалась водой.

Но время прохождения отличалось.

Ган приблизил лицо к стеклу.

Вот оно.

Прямо перед ним.

То, что Лея объясняла яблоками.

То, что он вспоминал как музыку.

Одна сущность.

Несколько временных смещений.

Новое состояние рождается при соединении.

Техническая реализация идеи выглядела гораздо убедительнее любой философии.

Он заметил микрофон возле кресла.

Рядом лежал журнал.

Открыл.

Страницы заполнены двумя почерками.

Его.

И чужим.

Первый цикл.

Записи о реакции.

Второй.

Третий.

Ган перелистывал быстро.

Чужой почерк был очень ровный, мелкий.

Подпись:

Л.В.

Он остановился на последней странице.

Цикл 17. Субъект настоял на увеличении глуби-

ны удаления. Считаю риск неоправданным. Возможна потеря связей, не предусмотренных протоколом. Ган утверждает, что иначе эксперимент ничего не докажет.

Ниже его рукой:

Если связи реальны, они восстановятся. Если сохраняются только потому, что я помню их последовательность, значит, мы исследуем архив, а не сознание.

Чужая приписка:

Тебе легко рассуждать. Ты забывать будешь не меня.

Ган почувствовал, как внутри всё остановилось.

Он перечитал.

«Ты забывать будешь не меня».

Л. Вейр знала Лею.

Очень близко.

Возможно, была её подругой.

Сестрой?

Коллегой?

Следующая строка его рукой:

Именно поэтому выбор Леи честный.

Ответ:

Честный для эксперимента. Жестокий для тебя.

Ган провёл пальцем по записи.

Ему стало тяжело дышать.

Вот причина.

Он выбрал Лею как центральный объект памяти.

Сам.

Не из желания избавиться от боли.

Ради эксперимента.

Хотя, возможно, оба мотива были связаны сильнее, чем он признавал.

На следующей странице:

Если он проснётся и спросит, почему мы позволили это сделать, ответить правду.

Подпись:

Л.В.

Ган сел в кресло.

— Почему вы позволили?

Голос прозвучал тихо.

Никого.

Он открыл последний лист.

Там была одна фраза.

Его рукой.

Потому что я попросил.

Ган закрыл журнал.

Некоторое время просто сидел.

Система вокруг него гнала воду по прозрачным трубкам.

Шесть литров в час.

Сотни литров за цикл.

Ресурс уходил на эксперимент, смысл которого он почти потерял вместе с памятью.

В этом было что-то неприятно точное.

Человек часто расходует огромные запасы жизни на то, чтобы доказать идею, значение которой потом приходится восстанавливать по следам.

Ган провёл ладонью по лицу.

Тело напомнило о себе головной болью.

Он встал.

На стене лаборатории висел кулер.

Пустой.

Рядом — раковина.

Он открыл кран.

Вода пошла сразу.

Прозрачная.

Ган подставил ладонь.

Холодная.

Система жизнеобеспечения работала.

Он вспомнил своё решение пить только канистры.

Закрыл кран.

Вернулся к панели.

Можно ли сократить постцикловую стабилизацию?

Инструкция допускала остановку при критическом расходе.

Запаса пока достаточно.

Лучше не вмешиваться.

Шесть часов.

Он решил переждать.

В лаборатории нашлась небольшая комната наблюдения с диваном.

На столе — кружка.

Женская.

Белая, с тонкой трещиной возле ручки.

На ней рисунок: зелёное яблоко.

Ган остановился.

Сердце ударило сильнее.

Взял кружку.

На дне маркером:

Л.В.

Он почувствовал почти абсурдное разочарование.

Не Лея.

Имя другое.

И всё же яблоко.

Связь.

Кто такая Л. Вейр?

В ящике стола лежали ручки, кабели, таблетки от головной боли, упаковка чая и пачка сушёных яблок.

Ган застыл.

Взял пакет.

Почти пустой.

На этикетке магазинная марка.

Ничего необычного.

Он открыл.

Запах ударил мгновенно.

Яблоки.

Сухие, сладкие.

Память вспыхнула.

Комната.

Лея.

Ещё одна женщина рядом.

Светлые волосы.

Смеётся.

— Вы двое когда-нибудь перестанете превращать еду в космологию?

Лея отвечает:

— Нет.

Ган сидит за столом.

Женщина берёт сушёное яблоко.

— Тогда я буду контрольной группой.

— Ты всегда контрольная группа, — говорит Ган.

— Потому что кто-то должен проверять, сошли вы с ума или только собираетесь.

Лея:

— Лара, не мешай человеку думать.

Лара.

Ган открыл глаза.

Лара Вейр.

Имя пришло целиком.

Лара.

Он улыбнулся.

Вот она.
Ещё одна связь восстановилась запахом.
Не вопросом.
Не логикой.
Сушёным яблоком.
Ган быстро открыл журнал.
Л.В.

Лара Вейр.
Коллега.
Он помнил её.
Частично.
Лара носила короткие светлые волосы.
Работала с нейрофизиологией.
Скептик.
Ненавидела слово «энергия», если его использовали без единиц измерения.
Любила очень крепкий чай.
И сушёные яблоки.
Ган рассмеялся.
— Контрольная группа.
Стало легче.
Лара существует.
Вероятно, жива.
И была здесь два дня назад.
Значит, он не один в истории этого места.
Нужно найти её.
На столе телефона нет.

Компьютер лаборатории, скорее всего, содержит контакты.
Он сел.
Система потребовала пароль.
Ган попробовал «voda».
Нет.
«Leia».
Нет.
«Lara».
Нет.
Потом вспомнил яблоко.
Apple?
Нет.
На стене возле монитора висела маленькая фотография.
Три человека.
Он.
Лея.
Лара.
Стоят возле озера.
Сзади вода.
Лея держит в руках красное яблоко.
Лара закатывает глаза.
На обороте:
«Три состояния одной глупости».
Ган рассмеялся сильнее.
Подпись Лары.
Внизу дата.
—
Лея тогда ещё была жива.

Ган долго смотрел на фотографию.
Трое.
Теперь одна умерла.
Один потерял память.
Третья, вероятно, где-то есть и знает больше всех.
Он перевернул снимок обратно.
Пароль.
Три состояния.
Попробовал:
3states
Нет.
apple3
Нет.
Потом:
voda3
Экран открылся.
— Лара…
Он покачал головой.
На рабочем столе была программа мониторинга и папка с протоколами.
Контакты.
Телефон Лары.
Ган переписал номер.
Связи внутри бункера не было.
Можно выйти на поверхность.
Он посмотрел на таймер.
Оставалось пять часов сорок минут.
Система работала стабильно.
Ган решил подняться наружу.

Перед уходом налил себе литр кипячёной воды в бутылку.
Положил ещё две маленькие из запаса.
Взял хлеб, сыр.
Само приготовление к выходу вдруг показалось важным.
Раньше он просто шёл за загадкой.
Теперь собирался как человек, который отвечает за собственное тело.
Разница была небольшая, но ощутимая.
Он проверил свет.
Двери.
Уровень воды.
Вентиляцию.
Записал время.
Потом усмехнулся.
Время по-прежнему отсутствовало.
Часы показывали 4:41.
Наручных не было.
На лабораторном компьютере — 11:07.
Но он точно знал, что это неверно.
Системное время сбилось.
Он решил пользоваться дневным светом.
Вышел через внешний люк.
На поверхности был поздний день.
Небо низкое.
После лаборатории воздух показался почти сладким.
Ган дошёл до холма, где сеть ловила слабее всего, потом поднялся выше.
Телефона нет.

Он вспомнил.
Выругался.
Номер записан, позвонить нечем.
До магазина далеко.
Можно идти.
И вдруг услышал двигатель.
По грунтовой дороге приближалась машина.
Белая «Нива».
Та же?
Ган вышел к дороге.
Машина остановилась.
Водитель вчерашний.
Бородатый электрик.
Он опустил стекло.
— Опять ты.
— Опять я.
— Значит, дверь понравилась.
Ган невольно улыбнулся.
— Телефон дадите?
— Кому теперь?
— Коллеге.
Мужчина протянул аппарат.
— Только недолго.
Ган набрал номер Лары.
Гудок.
Второй.
Третий.
— Да?
Женский голос.

Ган узнал его раньше, чем смог объяснить.
— Лара.
Тишина.
— Ган?
— Да.
— Господи.
Её голос изменился.
— Ты где?
— В бункере.
— Я знаю.
— Откуда?
— Потому что я оставила тебя там вчера.
Ган закрыл глаза.
— Хорошо. Тогда рассказывай.
— Что именно ты помнишь?
— Тебя. Частично. Лею. Уже больше. Эксперимент. Семнадцатый цикл. Воду. Четыре контура. Я нашёл журнал.
Лара долго молчала.
— Сколько времени прошло после пробуждения?
— Не знаю. Часы здесь живут собственной жизнью.
— Очень смешно.
— Я серьёзно.
— Я тоже.
Он услышал, как она вздохнула.
— Ган, слушай внимательно. Вчера после цикла ты должен был оставаться в бункере минимум двадцать четыре часа.
— Почему?

— Потому что мы не знали, насколько устойчиво будет восстановление.
— Я вышел почти сразу.
— Я уже поняла.
— Как?
— Ты звонил мне.
Ган замер.
— Когда?
— Днём.
— Не помню.
— Именно.
— Что я сказал?
— Что всё работает.

— И?
— Что Лея вернулась первой.
Он посмотрел на лес.
— Я это помню уже по другому источнику.
— Ты был счастлив.
Лара произнесла это очень тихо.
— Потом?
— Потом спросил, можно ли сделать второй проход.
— Второй?
— Я сказала, что ты идиот.
— Похоже на тебя.
— Хорошо. Значит, память возвращается.
— Я сделал второй проход?
Лара молчала.

— Лара.

— Да.

Ган почувствовал, как пальцы крепче сжали телефон.

— Сам?

— Ты не мог запустить полный цикл один.

— Значит, ты вернулась.

— Вернулась.

— Когда?

— Около часа дня.

Он вспомнил запись 13:26.

Его возвращение в комнату.

— Записку написал тогда.

— Какую?

— «Хорошо, что ты вернулся».

Лара выругалась.

— Что?

— Ты попросил меня сделать промежуточную очистку.

— Что это значит?

— Убрать память о первом внешнем цикле.

— Зачем?

— Потому что сказал, что иначе результат будет загрязнён знанием о процедуре.

Ган засмеялся.

Сухо.

— Потрясающе.

— Я предупреждала.

— И всё равно сделала.

— Да.

— Почему?

Пауза.

— Потому что ты десять лет строил эту систему.

Ган замер.

Десять лет.

— Сколько?

— Десять.

Лес вокруг словно отодвинулся.

— Я думал, это связано с Леей.

— Связано. Но началось раньше.

— С чего?

— Не по телефону.

— Почему?

— Потому что ты сам попросил, чтобы часть информации возвращалась только внутри последовательности.

— Я вчера был сам себе очень неприятен.

— Вчера?

Лара неожиданно рассмеялась.

— Ты всегда такой.

Он улыбнулся.

— Лара, вода.

— Что вода?

— Постцикловая стабилизация жрёт шесть литров в час. Осталось около тысячи.

— Нормально.
— Четыреста семнадцать на цикл.
— Да.
— 417.
— Да.
— Часы стоят на 4:17.
Пауза.
— Какие часы?
— В комнате отдыха.
Лара замолчала.
— Ган…
Интонация изменилась.
— Что?
— Эти часы не работают лет пять.
Он посмотрел в сторону бункера.
— Сейчас работают.
— Батарейка?
— Лежит на столе.
Тишина.
Водитель «Нивы» посмотрел на него.
Ган отвернулся.
— Лара?
— Ты уверен?
— Я видел, как они шли.
— Механические?
— Самые дешёвые кварцевые.

— Тогда батарейка где-то внутри.

— Я вынул её.

— Может быть, вторая?

— Проверю.

— Проверь.

— И ещё. В лаборатории после выключения ноутбук писал мне сообщения.

Лара не ответила.

— Ты слышишь?

— Слышу.

— Это часть системы?

— Какая формулировка?

Ган повторил.

«Ты слишком рано ищешь пятую стену».

Лара молчала долго.

— Это ты написал?

— Нет.

— Уверена?

— Да.

— Программа?

— Мы не делали диалоговый модуль.

— Ничего похожего?

— Был архивный ассистент для поиска по записям. Он мог собирать ответы из базы.

— Значит, мог ответить.

— При выключенном компьютере?

— Нет.

Ган посмотрел на землю.

— Замечательно.

— Ты устал. После двух циклов возможны нарушения восприятия.

— Галлюцинации?

— В том числе.

— Хорошо.

Это объяснение его почти обрадовало.

Галлюцинация проще автономного голоса в выключенной машине.

— Возвращайся домой, — сказала Лара.

Ган не ответил.

— Ган.

— Я должен закончить стабилизацию.

— Она закончится сама.

— Потом?

— Выключи экспериментальные контуры.

— И что дальше?

— Уезжай.

— А восемнадцатый цикл?

— Его не будет.

— Почему?

Лара выдохнула.

— Потому что семнадцатый был последним.

— На панели цель 68%.

— Я знаю.

— Сейчас 62,4.

— Именно.

— Мы не достигли цели.

— И не будем.

— Почему?

— Потому что шестидесяти двух достаточно, чтобы доказать принцип.

— А шестьдесят восемь?

— Ган.

— Почему 68?

Она замолчала.

Он уже знал, что сейчас услышит важное.

— Потому что ты выбрал это число сам.

— Четыре на семнадцать?

— Да.

— Почему?

— Сказал, что при четырёх слоях семнадцатый цикл должен дать шестьдесят восемь. Красиво.

— Очень научно.

— Я сказала то же самое.

Ган улыбнулся.

— И?

— Ты ответил, что красота тоже иногда бывает способом проверки структуры.

Он почувствовал узнавание.
Это действительно мог сказать он.
— Лара, что произойдёт при 68?
— Ничего гарантированного.
— Что предполагалось?
Пауза.
— Полное самовосстановление удалённого смыслового блока через косвенные связи.
Ган замер.
— Переведи.
— Ты стираешь выбранный участок памяти так глубоко, чтобы прямой доступ исчез. Если система сознания действительно распределена по отношениям, а не хранит переживание в одном «месте», связи должны собрать утраченный блок заново.
— Как Лея.
— Да.
— Тогда 62 уже работает.
— Работает.
— Почему останавливаться?
Лара повысила голос:
— Потому что ты уже потерял куски, которые мы не планировали трогать.
Ган замолчал.
— Какие?
— Ты забыл первый внешний цикл. Частично забыл меня. Потерял вчерашний разговор с матерью до эксперимента. Есть пробелы последних недель. Мы перешли границу селективного удаления.

— Это восстановится?
— Не знаю.
— А если продолжить?
— Я тоже не знаю.
Слово прозвучало сильнее любого предупреждения.
Ган долго молчал.
Лара добавила:
— Ты хотел доказать, что сознание способно восстанавливать себя из связей. Уже доказал. Хватит.
— Я хотел 68.
— Вот это в тебе я всегда ненавидела.
— Что?
— Если вершина видна, ты считаешь преступлением остановиться на перевале.
Ган улыбнулся.
— Похоже на меня.
— Да.
— А ты всегда тащила меня обратно?
— Иногда.
— А Лея?
Лара тихо рассмеялась.
— Лея обычно шла вперёд первой.
Воспоминание вспыхнуло сразу.
Трое в горах.
Лея уже выше.
Лара ругается.
Ган смеётся.
Снег.
Солнце.

Синий воздух.
Он почувствовал ком в горле.
— Я вспомнил.
— Что?
— Вас обеих.
Лара замолчала.
— Хорошо.
Одно слово.
Но голос дрогнул.
— Лара, приезжай.
— Сегодня не смогу.
— Почему?
— Я далеко.
— Где?
— Потом.
— Ты опять выполняешь мои идиотские инструкции?
— К сожалению.
— Я начинаю ненавидеть прежнего себя.
— Подожди. Ты ещё познакомишься с ним ближе.
Он рассмеялся.
— Хорошо. Что делать с водой?
— Дождись окончания стабилизации. Проверь уровень. Перекрой контуры один-три, нулевой оставь на минимуме. Основной резервуар не трогай.
— Почему нулевой оставить?
— Он питает базовый контур лаборатории.
— А если вода закончится?
— Там есть скважина.
— Я видел на схеме.

— Ручной насос в нижнем техническом помещении.
— Дверь?
— Код 2632.
Ган удивился.
— «Вода».
— Конечно.
— Это ты придумала?
— Лея.
Он закрыл глаза.
Конечно.
— Ладно.
— И поешь.
— Уже.
— Сколько воды выпил?
— Не знаю.
— Значит, мало.
— Ты врач или надзиратель?
— Сейчас единственный человек, который помнит, сколько раз ты сегодня терял сознание.
Ган перестал улыбаться.
— Сколько?
— Два.
— Я помню одно.
— Вот именно.
— Когда второе?
— После промежуточной очистки.
— Ударился?
— Нет. Я была рядом.
— Почему ушла?

— Ты настоял.
— Почему я всё время настаиваю?
— Потому что иначе ты не был бы Ганом.
Водитель «Нивы» постучал по рулю.
— Мужик, мне ехать надо.
Ган кивнул.
— Лара, мне пора.
— Не запускай ничего.
— Хорошо.
— Повтори.
— Не запускаю восемнадцатый цикл.
— Именно.
— Я понял.
— Ты это вчера тоже говорил.
— Лара.
— Что?
— Спасибо.
Тишина.
— Вернись целым, Ган.
Связь оборвалась.
Он вернул телефон водителю.
— Долго.
— Извините.
Мужчина посмотрел на него.
— Нашёлся человек?
— Да.
— Хорошо.
Он уже собирался тронуться, потом спросил:
— Ты воду там пьёшь?

Ган замер.
— Где?
— Внизу.
— Из канистр.
Мужчина кивнул.
— Правильно.
— Почему?
— Из крана не пей.
— Почему?
Водитель нахмурился.
— Так всегда говорили.
— Кто?
— Старики.
— Что говорили?
Мужчина пожал плечами.
— Что вода там память забирает.
Ган почувствовал, как внутри всё стихло.
— Повторите.
— Да чушь это.
— Всё равно.
— Когда объект ещё работал, ходила байка. Мол, люди после смены забывали, зачем приходили.
Ган смотрел.
— Когда это было?
— Ещё при Союзе.
— Вы уверены?
— Я пацаном был.
— Контуры тогда уже существовали?
— Какие контуры?

— Ничего.
Мужчина завёл двигатель.
— А ты чего так побледнел?
— Недоспал.
— Иди домой.
— Скоро.
«Нива» уехала.
Ган остался возле дороги.
Вода память забирает.
Старая байка.
До его эксперимента.
До Леи.
До лаборатории.
Он стоял неподвижно.
Затем заставил себя рассмеяться.
Совпадение.
Подземные объекты всегда рождают легенды.
Секретность.
Технические запахи.
Люди выходят усталыми.
Один забыл ключи — и через десять лет деревня уже рассказывает о воде, стирающей память.
Так устроены истории.
Из капли делают реку.
Из реки — миф.
Ган вернулся в бункер.
Первым делом выпил пол-литра воды из канистры.
Медленно.
Почти демонстративно.

Тело благодарно приняло её.
Он съел хлеб с сыром.
Принял обезболивающее.
Лёг на койку и двадцать минут просто смотрел в потолок.
Никаких схем.
Никаких записей.
Никаких вопросов.
Через некоторое время голова отпустила.
Он понял, что Лара права: физическое состояние влияло на восприятие сильнее, чем хотелось признавать.
Можно назвать своё переживание откровением, знаком или фазовым сдвигом, а потом обнаружить, что половина мистики исчезла после еды и двух стаканов воды.
Это не обесценивает оставшуюся половину.
Напротив.
Очищает.
Ган снова пошёл в лабораторию.
Таймер показывал:
00:43:18
Система завершала стабилизацию.
Он сел рядом.
Смотрел на четыре водяных потока.
Первый.
Второй.
Третий.
Четвёртый.
Разные скорости.
Разные задержки.
В центре — соединение.

Он вдруг понял, почему эта конструкция так завораживает.
Она не требовала веры.
Вот вода.
Вот трубы.
Вот насосы.
Вот измеримые задержки.
Одна и та же среда проходит разными путями и возвращается не в тот момент, когда покинула источник.
Ничего сверхъестественного.
Но именно из этого простого факта рождается сложность.
Если два потока встречаются в разное время, их взаимодействие уже отличается от исходного.
Материал тот же.
История другая.
Ган вспомнил Лею:
«Одна сущность способна проявиться множеством способов».
Яблоко.
Музыка.
Память.
Вода.
Он впервые почувствовал, что эксперимент, который ещё утром казался безумной затеей человека, одержимого собственным мозгом, имеет внутреннюю логику.
Сознание тоже может быть потоком.
Событие проходит через разные области опыта.
Тело помнит одно.
Запах — другое.

Слова — третье.
Эмоция — четвёртое.
Потом человек теряет прямой доступ к событию, но потоки возвращаются.
В разное время.
С разных сторон.
И однажды встречаются.
Лея вернулась не из одного места.
Она собралась.
Ган почувствовал дрожь.
Не от страха.
От узнавания идеи, которую, вероятно, когда-то знал гораздо лучше.
Таймер дошёл до нуля.
Насосы постепенно замедлились.
На экране:

СТАБИЛИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА

Потом:
ИТОГОВАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ: 63,1%

Чуть выше прежнего.
Ган смотрел.
63,1.
Не 68.
Лара просила остановиться.
Он открыл техническую панель.
Перекрыл контур 3.

Потом 2.
—
Нулевой оставил на минимуме.
Расходомер упал.
Шесть литров в час.
Два.
Один.
Наконец:
0,4 л/ч
Совсем другое дело.
Запаса хватит надолго.
Ган вернулся к основному резервуару.
Уровень немного снизился.
Около девятисот литров.
Он провёл мелом новую черту.
Написал:
После цикла 17.
Подумал и добавил дату.
14.10.
Рядом поставил своё имя.
Ган.
На мгновение ощутил связь с человеком, который оставлял здесь предыдущие отметки.
С самим собой.
Тот Ган готовил эксперимент.
Этот — разбирается с последствиями.
Один оставлял воду.
Другой рассчитывает расход.
Между ними несколько часов и огромная пропасть.

Но рука одна.
Почерк один.
Он вдруг понял простую вещь.
Ответственность — тоже форма памяти.
Ты делаешь сегодня то, что позволит завтрашнему тебе жить.
Наливаешь воду.
Меняешь фильтр.
Оставляешь инструкцию.
Не потому, что уверен в будущем человеке.
А потому, что признаёшь его своим продолжением.
Ган посмотрел на бак.
Его прежняя версия могла быть самоуверенной, раздражающей, готовой лезть дальше ради красивого числа 68.
Но она оставила канистры.
Аптечку.
Еду.
Инструкции.
Фонарь.
Запас воды.
Значит, думала о том, кто проснётся после.
Эта мысль неожиданно смягчила злость.
Он вернулся в комнату.
Часы показывали 5:03.
Без батарейки.
Ган подошёл.
На этот раз внимательно осмотрел корпус.
Снял заднюю крышку.

Пусто.
Никакого второго элемента питания.
Шестерёнки пластиковые.
Обычный кварцевый механизм.
Работать не должен.
Стрелка сдвинулась.
5:04.
Ган смотрел.
Потом поставил часы обратно.
— Ладно.
Не сегодня.
Он налил себе воду.
Сел за стол.
Открыл блокнот.
Записал:
Вода: ~900 л в основном резервуаре + аварийные канистры. Расход после отключения контуров ~0,4 л/ч.
Ниже:
Лара Вейр. Помнит эксперимент.
Ниже:
Цикл 17 завершён. 63,1%. Цикл 18 не запускать.
Последнюю фразу подчеркнул.
Потом долго смотрел.
Добавил:
По крайней мере, пока.
Усмехнулся.
Лара бы убила.
Он перелистнул страницу.

Написал слово:

ВОДА

Под ним хотел сделать вывод.

Остановился.

Не стал.

Вместо этого выпил.

Иногда вещь лучше оставить вещью.

За стеной тихо работал нулевой контур.

Ган прислушался.

Ровный поток.

Почти неслышный.

Он подумал о реке.

О том, что вода никогда не хранит форму сосуда, в котором была вчера, однако каким-то образом остаётся водой.

О снеге.

О паре.

О льде.

О дожде.

О человеческом теле, большая часть которого состоит из вещества, бесконечно переходящего из одного состояния в другое.

Возможно, поэтому люди всегда видели в воде память, жизнь, смерть, очищение, время.

Она слишком легко меняется и слишком мало теряет себя.

Ган вспомнил Леино яблоко.

Потом канон.

Потом четыре контура.

Одна вода.

Четыре пути.

Возвращение в общий резервуар.

Он поднял кружку к свету.

Прозрачность кажется отсутствием содержания только тому, кто привык искать смысл в цвете.

Вода позволяла видеть сквозь себя.

Может быть, именно поэтому она так хорошо подходила их эксперименту.

Не как мистический носитель.

Как образ.

Как физическая среда.

Как принцип.

Ган сделал ещё один глоток.

На столе лежала фотография Леи.

Он поставил кружку рядом.

И неожиданно вспомнил один разговор.

Ночь.

Они сидят возле озера.

Вода чёрная.

На другом берегу горят три огня.

Лея бросает камень.

Круги расходятся.

— Смотри.

— На что?

— Камень уже утонул, а событие ещё продолжается.

Ган отвечает:

— Волны.

— Да.

— И?

— Самого камня уже не видно.

Она бросает второй.

Круги пересекаются.

— Теперь?

— Интерференция.

— Тебе обязательно всё называть?

— Это помогает.

— Иногда название закрывает вещь.

— А иногда позволяет её увидеть.

Лея улыбается.

— Поэтому ты мне и нужен.

Воспоминание задержалось.

Ган видел её профиль.

Тёмную воду.

Лунную дорожку.

Слышал ночных птиц.

Почти ощущал прохладу.

Потом Лея сказала:

— Если когда-нибудь меня не будет, ты всё равно будешь жить внутри волн от того, что уже произошло.

Ган в воспоминании рассердился.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что не люблю такие разговоры.

— Смерть существует независимо от твоих предпочтений.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Она положила голову ему на плечо.

— Я просто хочу сказать, что исчезновение источника не означает исчезновения всех следствий.

Ган закрыл глаза.

Вот она.

Мысль, которую он потом превратил в эксперимент.

Или они превратили вместе.

Камень исчез.

Волны остались.

Лея умерла.

Связи продолжали расходиться.

Он стёр прямую память.

И всё равно нашёл её.

Через яблоко.

Воду.

Кольцо.

Фразу.

Чужую подпись.

Озеро.

Смех.

Ган сидел, пока воспоминание не растворилось.

На этот раз он не пытался удержать.

Пусть уходит.

Если структура действительно существует, вернётся другим путём.

Он лёг.

Сон пришёл не сразу.

Бункер гудел.

В трубах двигалась вода.

Часы без батарейки продолжали отсчитывать неизвестное время.

Где-то за запертой частью объекта стояла лаборатория, созданная людьми, которых он помнил фрагментами.

Лара знала больше, чем говорила.

Лея знала больше, чем успела объяснить.

Прежний Ган знал больше нынешнего и намеренно лишил себя преимущества.

Всё это могло свести с ума.

Но рядом стояла бутылка.

В шкафу лежал хлеб.

В резервуаре оставалось около девятисот литров воды.

Рана подсыхала.

Дыхание было ровным.

Эти факты удерживали его сильнее стен.

Перед сном Ган понял ещё одну вещь.

Утром он считал запасом количество воды.

К вечеру узнал, что запас — это отношение между количеством и расходом.

Мысль показалась слишком простой, чтобы быть важной.

Потом он вдруг увидел её шире.

Сила.

Время.

Любовь.

Деньги.

Внимание.

Память.

Можно иметь много и жить в постоянном дефиците, если расход превышает способность восполнять.

Можно иметь немного и сохранять устойчивость, если поток согласован.

Возможно, человек разрушается вовсе не тогда, когда у него мало.

А когда он перестаёт понимать, куда уходит то, что у него есть.

Ган открыл глаза.

На мгновение захотелось записать.

Потом передумал.

Слишком красиво.

Пусть мысль переночует.

Если утром останется — значит, стоила бумаги.

Он повернулся на бок.

В темноте тихо шла вода.

Долго.

Ровно.

Почти как дыхание огромного существа, спрятанного за стенами.

Ган уже засыпал, когда услышал другой звук.

Три коротких удара.

Из трубы.

Он открыл глаза.

Тук.

Тук.

Тук.

Пауза.

Потом один.

Пауза.

Два.

Пауза.

Три.

Ган сел.

Слушал.

Тишина.

Через минуту повторилось.

Три удара.

Один.

Два.

Три.

Он подошёл к стене.

Приложил ладонь.

Вибрация шла по трубе.

Не вода.

Кто-то стучал.

С другой стороны.

Ган замер.

Техническая линия уходила к закрытой части объекта, которую он ещё не исследовал.

Он наклонился ближе.

— Эй!

Тишина.

— Кто там?

Один удар.

Ган почувствовал, как по спине прошёл холод.

Он постучал костяшками три раза.

Ответ пришёл сразу.

Три.

Ган отступил.

Взял фонарь.

Потом вспомнил про воду, вернулся, сунул бутылку в рюкзак.

Сам рассмеялся.

Даже страх теперь имел снаряжение.

Он открыл дверь.

Коридор был пуст.
Свет горел через одну лампу.
В конце темнел поворот.
Ган пошёл на звук.
Труба шла вдоль стены.
Через вентиляционное помещение.
За санитарным узлом.
Мимо лаборатории.
Дальше коридор сужался.
Здесь он ещё не был.
На стенах появилась старая зелёная краска.
Лампы реже.
Труба уходила вниз.
Ган спустился по небольшой лестнице.
Внизу стояла дверь.
Без таблички.
На ней — ржавчина.
Снизу вытекала тонкая полоска воды.
Ган присел.
Коснулся.
Холодная.
За дверью что-то тихо ударило по трубе.
Три раза.
Ган выпрямился.
Ручки не было.
Только круглое колесо.

Старое.

Тяжёлое.

Почти корабельное.

Он вспомнил водителя «Нивы».

«Там раньше дверь другая была. Большая круглая. Как на корабле».

Ган смотрел.

Вот она.

Внешняя дверь, о которой говорил мужчина, находилась не снаружи.

Она была внутри.

Он положил ладонь на колесо.

Металл холодный.

На центре кто-то когда-то выцарапал один знак.

Спираль, перечёркнутая вертикальной линией.

Тот же символ.

Ган почувствовал, как сердце ускорилось.

За дверью снова постучали.

Один раз.

Потом два.

Потом три.

Он взялся обеими руками за колесо.

Попробовал повернуть.

Не поддалось.

Ещё раз.

Металл застонал.

Колесо сдвинулось на несколько миллиметров.

Из-под двери потекло больше воды.

Ган остановился.

Если за ней затопленное помещение, открывать опасно.

Он посветил вниз.

Вода медленно растекалась по полу.

Чистая.

На секунду фонарь отразился в ней.

И Ган увидел то, чего не могло быть.

В отражении дверь была открыта.

Он резко поднял фонарь.

Дверь закрыта.

Посмотрел вниз.

В воде — открытый проём.

За ним свет.

Ган замер.

Шевельнул фонарём.

Отражение изменилось, но дверь там оставалась открытой.

Он опустился на колени.

Приблизил лицо к луже.

За отражённым проёмом словно тянулся коридор.

Длинный.

Светлый.

Совершенно другой.

Не бетон.

Белые стены.

Стекло.

И где-то в глубине стояла женщина.

Светлые волосы.

Ган перестал дышать.

— Лара?

Фигура подняла голову.

Вода дрогнула.

Изображение распалось.

Осталась обычная лужа.

Закрытая дверь.

Фонарь.

Его собственное лицо.

Ган сидел неподвижно.

Головная боль вернулась.

Резко.

Он прижал ладонь ко лбу.

Галлюцинация.

Лара предупреждала.

После двух циклов нарушения восприятия вполне возможны.

Это разумно.

Это объяснимо.

Это даже хорошо.

Он повторил про себя несколько раз, пока сердце не успокоилось.

Потом заметил на мокром полу маленький предмет.

Что-то вытолкнуло его из-под двери вместе с водой.

Ган поднял.

Пластиковая карточка.

Пропуск.

На фотографии — женщина со светлыми короткими волосами.

ЛАРА ВЕЙР

Ниже:

ЛАБОРАТОРИЯ 2

Ган долго смотрел на карточку.

На двери не было замочной панели.

Только колесо.

Он перевернул пропуск.

На обороте рукой Лары:

Если найдёшь это раньше четвёртой главы — значит, опять полез туда, куда тебя не просили.

Ган несколько секунд молчал.

Потом рассмеялся.

Сначала тихо.

Потом громче.

Смех покатился по коридору, ударился о стены, вернулся.

— Лара, — сказал он. — Я начинаю тебя вспоминать.

За дверью что-то один раз стукнуло в трубу.

Ган перестал смеяться.

Подождал.

Больше ничего.

Он убрал пропуск в карман.

Колесо не тронул.

И впервые за всё время добровольно ушёл от закрытой двери.

На обратном пути он чувствовал странное удовлетворение.

Возможно, это и было началом возвращения контроля.

Не открыть всё.

Не получить каждый ответ.

Не идти за каждым звуком.

Иногда сохранить жизнь означает оставить дверь закрытой до утра.

Он вернулся в комнату.

Проверил бутылку.

Выпил.

Записал уровень воды.

Положил фонарь рядом.

На часах было 5:17.

Ган посмотрел.

— Даже не начинай.

Часы продолжили ход.

5:18.

Он улыбнулся.

Лёг.

Через несколько минут сон накрыл его.

А далеко за стеной, в системе труб, вода продолжала проходить свой нулевой контур, сохраняя форму потока и меняя всё, к чему прикасалась.

Глава 4. Чужие записи

«Рукописи не горят».

Михаил Булгаков

Утром Ган долго смотрел на пластиковый пропуск Лары, лежавший на столе рядом с кружкой.

ЛАБОРАТОРИЯ 2.

На обороте её рукой было написано:

Если найдёшь это раньше четвёртой главы — значит, опять полез туда, куда тебя не просили.

Вчера эта фраза рассмешила его. Сегодня раздражала.

Глава.

Как будто они заранее превратили его жизнь в книгу.

Он перевернул карточку несколько раз, надеясь обнаружить под шуткой технический смысл. «Глава» могла означать четвёртый этап, четвёртый протокол, раздел инструкции, номер лабораторного цикла. Лара любила насмешливые обозначения, и память уже возвращала её манеру: чем серьёзнее становилась ситуация, тем охотнее она давала вещам названия, способные вывести Гана из себя.

Однажды, ещё до Леи, они три месяца собирали сложную систему регистрации сигналов, а Лара подписала центральный блок на схеме: **«Большая дорогая коробка, которую Ган обязательно сломает»**.

Он тогда действительно сломал её через неделю.

Воспоминание пришло целиком, вместе с кабинетом, запахом перегретого пластика и Лариным выражением лица.

— Хорошо, — сказал Ган фотографии на пропуске. — Допустим, четвёртая глава наступила.

Он выспался.

Голова почти не болела.

Воды выпил достаточно.

Поел.

Проверил резервуар.

Проверил вентиляцию.

Посмотрел на часы без батарейки.

Они показывали 7:42 и продолжали идти.

С ними он решил пока не разговаривать.

Иногда безумие начинается не с голосов в голове, а с того, что человек слишком рано вступает с ними в дискуссию.

Он положил пропуск в карман и вышел.

Круглая дверь находилась там же.

Конечно, она не могла находиться где-то ещё, но Ган поймал себя на облегчении.

После вчерашней лужи, отражавшей открытый коридор, простая верность предмета собственному месту казалась почти проявлением доброй воли.

На полу было сухо.

Вода исчезла.

Следов подтёка под дверью тоже почти не осталось.

Ган посветил фонарём.

Ржавая поверхность.

Колесо.

Спираль, перечёркнутая вертикальной линией.

Он достал карточку Лары.

На двери не было считывателя.

Осмотрел стену.

Справа, почти у пола, обнаружился узкий паз, закрашенный в цвет бетона.

Пропуск вошёл идеально.

Щёлкнуло.

Где-то внутри двери отозвался механизм.

Ган отступил на полшага.

— Вот для чего ты выплыла.

Он повернул колесо.

Сегодня оно пошло легче.

Первый оборот сопровождался скрежетом.

Второй — глубоким металлическим ударом.

Третий освободил замки.

Дверь приоткрылась сама.

Изнутри потянуло прохладой, бумагой и старым деревом.

Ган ожидал лабораторию.

Увидел комнату.

Обычную.

Почти домашнюю.

Старый стол.

Два стула.

Шкафы до потолка.

Настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром.

Металлическая кровать.

Полки.

Тысячи листов.

Папки.

Тетради.

Коробки.

Книги.

Газеты.

Фотографии.

На стене висела карта мира, настолько старая, что некоторые государства на ней уже успели исчезнуть.

Ган вошёл.

Свет включился не сразу. Сначала дрогнула одна лампа, затем вторая, потом загорелись две длинные потолочные трубки.

Он остановился посреди комнаты.

Вот откуда запах.

Не оборудование.

Архив.

Кто-то собирал здесь бумагу десятилетиями.

Нынешний мир почти разучился выглядеть так. Человеческая память переехала в диски, серверы и облака, стала невесомой, мгновенно копируемой, почти лишённой запаха. Здесь она снова обрела массу.

Папки прогибали полки.
Тетради имели потёртые углы.
Некоторые страницы пожелтели.
На корешках стояли даты.
1968—1974
1975—1981
1982—1987
Дальше.
Девяностые.
Двухтысячные.
Последняя папка:
2026
Ган медленно прошёл вдоль шкафа.
Шесть десятилетий.
Он достал самую старую папку.
На обложке печатными буквами:
ЖУРНАЛ НАБЛЮДЕНИЙ. ОБЪЕКТ 17-Б.
Подпись:
Инженер А. М. Воронцов.
Ган сел за стол.
Первые страницы были скучными.
Температура.
Влажность.
Давление.
Состояние фильтров.
Работа резервного генератора.

Уровень воды.

Обычный технический журнал старого подземного объекта.

Он листал.

Почерк менялся.

Воронцов писал ровно, почти чертёжно.

Другой инженер — крупно и раздражённо.

Третий оставлял короткие замечания карандашом.

Несколько лет человеческой жизни сокращались до фраз:

«Насос заменён».

«Контакт окислен».

«Течь устранена».

«Дежурство принял».

«Дежурство сдал».

Ган вдруг подумал, что именно так большинство людей и остаётся в истории — несколькими строками, смысл которых кажется важным только в тот день, когда они написаны.

Он уже собирался вернуть папку, когда встретил запись, сделанную красными чернилами.

17 апреля 1971 года.

Ган задержал руку.

17.04.

На стене за шкафом стояла дата 17.04.2024.

Совпадение.

Он прочитал.

«В 04:17 отмечена самопроизвольная остановка часов в

комнате отдыха. После замены элемента питания работа не восстановилась. Остальные приборы функционируют нормально».

Ган перестал дышать.

Прочитал второй раз.

04:17.

1971 год.

Он поднял глаза.

За стенами архива ничего не происходило.

Лампа тихо гудела.

Ган перевернул страницу.

Следующая запись:

«18.04. Часы сняты. Механизм исправен. В мастерской работают нормально. После возвращения на объект остановились на 4:17».

Ган опустил папку.

В комнате стало очень тихо.

Пятьдесят пять лет назад.

До Леи.

До Лары.

До его эксперимента.

До программы когерентности.

До четырёх водяных контуров.

Часы уже останавливались на 4:17.

Он заставил себя читать дальше.

Через несколько страниц:

«По распоряжению начальника смены часы заменены».

А затем, спустя три дня:

«Новые часы остановились».

Время не указано.

Ган провёл пальцами по бумаге.

Потом быстро перелистнул до конца месяца.

Больше ничего.

Май.

Июнь.

Технические записи.

Будто странность потеряла право на существование, потому что начальство решило её не обсуждать.

Ган усмехнулся.

Очень человеческий способ борьбы с необъяснимым.

Если явление портит отчётность, перестань заносить его в журнал.

Он взял следующую папку.

1975—1981.

Первые месяцы ничего.

Потом запись от другого человека.

Старший техник П. И. Белозёров.

«Во время ночного дежурства вновь слышны удары в водяной магистрали. Последовательность 3—1—2—3. Давление стабильно. Причина не установлена».

Ган медленно положил ладонь на стол.

Три.

Один.

Два.

Три.

Именно так стучали трубы прошлой ночью.

Он прочитал следующую строку:

«Белозёров утверждает, что удары отвечают на стук. Проверять без разрешения запрещено».

На полях кто-то карандашом дописал:

«Уже проверили».

Ган почувствовал мурашки.

Под записью:

«Отвечает».

Он перевернул страницу.

Половина листа была вырвана.

Следующая дата — через две недели.

Ни слова об ударах.

Ган встал.

Прошёл по комнате.

Возле дальней стены стояла маленькая электрическая плитка.

На полке — алюминиевый чайник.

Старая кружка.

Пачка сахара, превратившегося в камень.

Кто-то когда-то здесь не только работал.

Жил.

Дежурил.

Спал.

Пил чай.

Слушал трубы.

Отвечал им.

Ган посмотрел на кровать.

Матрас продавлен посередине.

На спинке висело шерстяное одеяло.

Он коснулся ткани.

Пыль.

Много лет никто не пользовался.

Или пользовался редко.

На стене над кроватью карандашом были проведены вертикальные черты.

Пять.

Потом ещё пять.

Десятки групп.

Как в тюрьме считают дни.

Ган пересчитал несколько.

Запутался.

Внизу стояла подпись:

73

Что означало число — количество смен, дней, ночей — неизвестно.

Он вернулся к архиву.

Теперь папки выглядели иначе.

Утром он видел документацию.

Теперь — свидетелей.

Каждый жил в своём времени, обладал собственным языком и собственным пределом допустимого.

Инженер семидесятых писал «самопроизвольная остановка».

Техник — «удары».

Кто-то позже назовёт то же явление «сбоем».

Он — «повторением».

Лея могла бы сказать «волна».

Названия менялись.

Явление, возможно, оставалось.

Ган взял папку восьмидесятых.

Она была толще.

На первой странице печать:

СЕКРЕТНО

Ниже штамп снятия грифа уже девяностых годов.

Он листал медленнее.

Объект использовали как резервный узел связи.

В подземных помещениях размещалось оборудование, обеспечивавшее передачу низкочастотных сигналов.

Вот откуда сложная сеть труб и экранированных комнат.

Вода первоначально служила охлаждением.

Это объясняло старые магистрали.

Ган нашёл схему.

Да.

Один резервуар.

Обычный контур.

Экспериментальные линии появились значительно позже.

Но возле помещения, где находился нынешний архив, на старом плане стояло другое название:

КАМЕРА НАКОПЛЕНИЯ №4

Ган нахмурился.

Что накапливали?

Он поискал пояснения.

Ничего.

В отдельной вкладке лежали машинописные листы.

Текст начинался без заголовка.

«При длительной работе передающего комплекса персонал отмечает повторяющиеся субъективные эффекты: ощущение ранее пережитого события, кратковременная дезориентация, выпадение последовательности действий, яркие образы, не связанные с текущей задачей».

Ган перечитал.

Ниже:

«Наиболее часто эффект наблюдается при одновременной работе четырёх генераторов».

Четырёх.

Он повернул лист.

На обороте стояла схема.

Четыре блока.

Один исходный сигнал.

Три задержки.

Ган почувствовал холод в животе.

Это уже существовало.

Не его идея.

Не Леино яблоко.

Вернее, возможно, их идея возникла независимо — или они нашли старые материалы.

Четыре генератора передавали один сигнал с временным смещением.

На схеме:

G0

G1 + Δt

G2 +2Δt

G3 +3Δt

Внизу:

Суммирование в камере №4.

Ган откинулся на стуле.

Канон.

Фазовый.

Тот же принцип.

Только не музыка.

Радиосигнал.

Пятьдесят лет назад.

Он вспомнил слова Лары: «Ты десять лет строил эту систему».

Откуда начались эти десять лет?

Может быть, он нашёл архив.

Может быть, весь проект родился отсюда.

Тогда многое объяснялось.

Кроме одного.

Почему он ничего этого не помнит?

Удаление коснулось последних недель.

Но десять лет работы должны существовать глубже.

Ган закрыл глаза.

Постарался вспомнить первое посещение объекта.

Пустота.

Нашёл объект на карте?

Купил?

Получил доступ?

Работал здесь раньше?

Ничего.

Это пугало сильнее отдельных провалов.

Если исчез целый десятилетний проект, глубина стирания значительно больше, чем признаёт Лара.

Он продолжил читать.

Следующий документ был подписан:

Группа 4. Протокол 12. 1986 год.

Испытывали воздействие фазово-смещённого сигнала на оборудование.

Потом на животных.

Потом, судя по осторожным формулировкам, на людей.

Ган почувствовал неприятие.

Люди назывались «операторами».

Будто переименование делало эксперимент безопаснее.

Записи становились страннее.

Один оператор сообщил, что слышал голос умершей матери.

Другой видел во сне комнату, в которой никогда не был.

Третий после смены несколько часов не мог вспомнить имя собственной жены, хотя узнавал её лицо.

Ган остановился.

Имя исчезло.

Связь осталась.

Лея.

Он читал быстрее.

У другого участника случилось обратное: имя сохранялось, лицо стало чужим.

Ещё один описал запах яблок.

Ган застыл.

Запах яблок.

Он приблизил лист.

«Оператор К-12 при отсутствии соответствующего раздражителя неоднократно ощущал выраженный запах печёных яблок. Связывает его с домом бабушки. После завершения воздействия вспомнил эпизод раннего детства, который считал утраченным».

Ган выдохнул.

Яблоки здесь ни при чём.

Просто память.

Запах — мощный ключ.

Его Лея действительно резала яблоки.

Не надо превращать каждый плод в мировой закон.

Он улыбнулся.

Иногда возвращение рациональности воспринималось как дружеское прикосновение к плечу.

Однако следующая запись снова выбила опору.

17.04.1987

«В 04:17 произошёл одновременный сбой четырёх каналов. Камера накопления перешла в режим самопроизвольного резонанса. Операторы эвакуированы».

Ган поднял голову.

17 апреля.

4:17.

Снова.

Он перелистнул.

Следующий лист отсутствовал.

Потом:

«После инцидента группа 4 расформирована».

На полях рукой неизвестного:

«Поздно».

Ган почувствовал раздражение.

Вот этого он не любил.

Сухой отчёт можно проверять.

«Поздно» ничего не сообщает, зато идеально пугает.

Он снял с полки ещё одну папку.

Внутри лежали личные тетради.

Вот они.

Чужие записи.

Не официальные.

Первая принадлежала человеку по имени Михаил Серов.

Дата — 1987.

Ган открыл.

Почерк нервный, быстрый.

Некоторые страницы исписаны ночью, судя по чернилам разных цветов.

«После 17-го числа не могу нормально спать. Во сне вижу коридор, которого нет на плане. Белые стены. Стекло. За стеклом женщина. Лицо не вижу».

Ган перестал читать.

Белый коридор.

Женщина.

Вчера в луже он видел ровно это.

Он почувствовал холод, хотя в комнате было тепло.

Продолжил.

«Пробовал найти помещение днём. Проход заканчивается камерой №4. За стеной по плану грунт».

Следующая запись:

«Сегодня снова вода под дверью. Дежурный говорит, что сухо. Я видел».

Ган закрыл глаза.

То же самое.

Пятьдесят лет назад.

Он прочитал дальше.

«В отражении воды дверь открыта».

Кожа на руках покрылась мурашками.

На секунду возникло желание закрыть тетрадь, выйти из комнаты, запереть круглую дверь и больше никогда сюда не возвращаться.

Желание прошло.

Любопытство осталось.

Ган ненавидел в себе именно это качество.

Вероятно, Лара тоже.

Он читал.

Серов пытался объяснить явление оптическими эффектами, усталостью, нарушением сна, воздействием низких частот.

Потом начал сомневаться.

«Не понимаю, почему отражение показывает пространство, которого нет. Возможна остаточная картинка после длительного наблюдения за экраном. Нужно проверить зрение».

Через несколько дней:

«Зрение нормальное».

Ещё:

«Сегодня постучал в трубу. Ответ 3—1—2—3».

Потом:

«Перестал отвечать».

Ещё через неделю:

«Оно всё равно стучит».

Ган почувствовал, как сердце ускорилось.

«Оно».

Серов не уточнял.

Последняя запись:

«Если снова услышу, уйду».

Следующая страница была чистой.

Ган перелистнул.

На обороте карандашом:

«Не ушёл».

Другой почерк.

Он положил тетрадь.

Тишина комнаты перестала быть пустой.

В ней вдруг присутствовали все, кто сидел за этим столом.

Воронцов.

Белозёров.

Серов.

Неизвестный человек, дописавший «не ушёл».

Лара.

Он сам.

Шесть десятилетий людей проходили через одно место и оставляли бумажные следы, которые переживали их страх, скепсис, самоуверенность и попытки найти подходящее слово.

Ган почувствовал странное родство.

И сразу насторожился.

Родство с архивом — плохой признак для человека, который планирует отсюда выбраться.

Он встал.

Открыл шкаф напротив.

Там лежали коробки с магнитными лентами, кассетами, дискетами, компакт-дисками, жёсткими дисками.

История технологий памяти.

На каждой эпоха оставляла собственный способ забыть всё из-за несовместимого разъёма.

Ган усмехнулся.

Внизу стоял современный накопитель.

Наклейка:

ОЦИФРОВАНО. 2024. ГАН / Л.В.

Вот.

Он и Лара действительно работали с архивом.

Значит, нынешняя система выросла из старой.

Он нашёл папку 2024 года.

На первой странице его запись.

Почерк знакомый.

Сознание встретило его почти физической неприязнью.

Читать себя двухлетней давности оказалось страннее, чем чужого человека.

«17.04.2024. Первый полный день на объекте. Совпадение с исторической датой обнаружили уже после запуска оборудования».

Ган нахмурился.

17 апреля.

Он приехал сюда именно в годовщину инцидента, но утверждает, что случайно.

Дальше:

«Старый четырёхканальный генератор восстановлен частично. Принцип поразительно напоминает каноническую структуру: один сигнал повторяется с фазовыми задержками и после этого суммируется. Физически содержание сигнала остаётся прежним; возникающее качество определяется отношениями между копиями».

Ган медленно улыбнулся.

Вот оно.

Его собственная формулировка.

Не Лея?

Он читал дальше.

«Лея сказала бы, что мы снова нашли её яблоко».

Ган замер.

Лея уже умерла?

—

Если она погибла два года назад относительно 2026, возможно, да.

Запись после смерти.

Значит, яблоко было её старой идеей, которую он применил к архиву.

Дальше:

«Лара считает, что я вижу знакомую модель потому, что хочу её увидеть. Возможно. Но факт остаётся фактом: исходная система строилась на одном сигнале, разделённом во времени».

Ган перелистнул.

«Главный вопрос: почему архивные операторы описывают эффекты, похожие на восстановление утраченных связей? Низкочастотное воздействие может нарушать работу памяти, но не объясняет устойчивого повторения конкретных образов между людьми, не знакомыми друг с другом».

Вот.

Он уже тогда заметил совпадения.

Следующая страница.

«Особенно беспокоит образ белого коридора».

Ган перестал дышать.

«Серов, 1987. Кондратьева, 1991. Неизвестный автор записи 1996 года. Три независимых описания. У всех — вода, отражение, открытая дверь, женщина в конце коридора».

Ган быстро перелистнул.

Вложенный лист.

Три выдержки.

Разные почерки.

Почти одинаковая сцена.

Он видел её вчера.

В 2026.

Ган встал.

Подошёл к двери.

Посмотрел в коридор.

Пусто.

Вернулся.

Это уже трудно было списать на внушение — но не невозможно.

Он читал архив.

Нет.

Он не читал его сейчас до видения.

Но мог читать раньше.

Десять лет работал над системой.

Образ давно находился в памяти и всплыл после процедуры.

Вот разумное объяснение.

Даже если текущая память архивов стёрта, мозг мог сохранить фрагменты.

Серов видел белый коридор.

Ган прочитал это годы назад.

Забыл источник.

После воздействия образ вернулся как галлюцинация.

Просто.

Почти красиво.

Он почувствовал облегчение.

— Хорошо.

Записал в блокнот:

Белый коридор мог быть восстановленной архив-

ной памятью, а не внешним явлением.

Подчеркнул.

Вот для чего нужны записи.

Чтобы мысль не становилась религией только потому, что красиво совпала с переживанием.

Он вернулся к папке.

Дальше появлялась Лара.

Её комментарии шли другим почерком.

«Ган хочет повторить старую четырёхканальную схему на безопасных параметрах. Я хочу сначала выяснить, почему группа 1987 года была закрыта».

Под ней его рукой:

«Потому что что-то пошло не по плану».

Лара:

«Это не ответ».

Ган:

«Зато честный».

Он улыбнулся.

Диалог продолжался прямо на полях.

Лара: «Перед любым экспериментом найти полный протокол аварии».

Ган: «Ищу».

Лара: «Ты ищешь интересное. Я прошу найти опасное».

Ган: «Иногда это один документ».

Вот это было уже очень похоже на них.

Ган листал быстрее.

—

—

Постепенная реконструкция системы.

Сначала сигналы подавали на воду.

Потом измеряли фазовую стабильность.

Потом использовали записи голоса.

Музыку.

Шумы.

Простые визуальные стимулы.

Наконец добровольцев.

И почти везде возникал один и тот же эффект: знакомый материал при многократном фазовом смещении воспринимался как более объёмный, чем сумма отдельных слоёв.

Ган читал свою фразу:

«Мозг перестаёт слышать последовательность и начинает воспринимать отношения».

Ниже:

«Если это работает для звука, возможно, работает для памяти».

Лара обвела предложение и написала:

«Вот здесь начались неприятности».

Он рассмеялся.

Потом замолчал.

Потому что следующая страница принадлежала Лее.

Не могла.

Но почерк он узнал сразу.

Тонкий.

Чуть наклонённый вправо.

Некоторые буквы соединены необычно.

Вверху дата:

2019

Задолго до её смерти.

Лист был вложен позже.

Наверное, из старой тетради.

Текст:

«Ган опять спорит, что память принадлежит мозгу. Я говорю: мозгу принадлежит способ доступа. Само переживание шире. Он просит доказательство. Я режу яблоко. Он смеётся».

Ган положил ладонь на бумагу.

Чернила давно высохли.

Лея продолжала:

«Если одна вещь может быть узнаваема через вкус, запах, рисунок, слово, звук, воспоминание, жест, значит, „вещь“ уже распределена между отношениями. Мы называем яблоком не форму. Мы узнаём устойчивый узор».

Ган прочитал несколько раз.

Вот откуда всё выросло.

Не из лаборатории.

Не из старого объекта.

Из разговора.

Из кухни.

Из яблока.

Лея писала дальше:

«Возможно, человек тоже является устойчивым узором. Тогда смерть разрушает часть носителя, но отношения продолжают жить в других».

Ган закрыл глаза.

Камень исчез.

Волны остались.

Сейчас он уже понимал, почему после её смерти идея стала для него почти навязчивой.

Если человек — узор отношений, можно ли восстановить его присутствие по следам?

Не воскресить тело.

Не вызвать призрак.

Вернуть структуру значения.

Собрать в сознании настолько полно, чтобы утраченный человек снова стал внутренне различим.

Ган провёл пальцами по строке.

Лея сама дала ему язык будущего эксперимента.

И возможно — причину.

На следующем листе её последняя запись:

«Только не перепутай восстановление связи с отказом отпустить форму».

Ган откинулся.

Вот она.

Знала.

Как будто заранее.

Он почувствовал одновременно любовь и злость.

— Очень удобно, — сказал он. — Сначала дать человеку идею, потом оставить предупреждение.

Конечно, она ничего не планировала.

Жизнь просто обладает неприятным талантом превращать случайные фразы умерших в пророчества.

Ган положил лист обратно.

Дальше шли его записи уже после аварии Леи.

Почерк изменился.

Стал мельче.

Жёстче.

Меньше шуток.

Больше расчётов.

Лара почти на каждой странице спорила.

Постепенно проект превратился в исследование памяти.

Ган разработал протокол частичного удаления доступа к эпизодическим связям.

Не стирание в буквальном смысле — скорее временную блокировку маршрутов извлечения.

Электромагнитная стимуляция.

Сенсорная депривация.

Фазовые сигналы.

Вода как стабилизирующая среда оборудования.

Никакой мистики.

По крайней мере, в документах.

И всё же старые феномены возвращались.

Часы.

Удары.

Белый коридор.

Повторяющаяся дата.

Лара фиксировала их отдельно, в папке под названием:

НЕ ВКЛЮЧАТЬ В МОДЕЛЬ ДО ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.

Ган улыбнулся.

Он открыл.

Первый лист:

Часы 4:17

Второй:

Последовательность 3—1—2—3

Третий:

Вода под дверью

Четвёртый:

Белый коридор

Пятый:

Спираль с вертикальной осью

Ган замер.

Символ.

Он перевернул лист.

Фотографии.

На старой бетонной стене.

На металлической детали.

В тетради 1971 года.
На полях схемы.
Спираль, перечёркнутая вертикальной линией.
Тот же знак на его ключе.
Он больше не принадлежал Гану.
Он был здесь до него.
Под фотографиями Лара написала:
«Самая ранняя подтверждённая фиксация — 1969».
Ган почувствовал тяжесть в животе.
—
Он взял самую старую папку.
Начал искать.
Не нашёл.
Вернулся к фотографиям.
На одной был фрагмент стены.
Рядом линейка.
Знак процарапан глубоко.
Подпись:
камера №4, северная панель, до ремонта.
Ган оглядел помещение.
Камера накопления №4.
Это и есть архив.
Северная панель.
Он достал компас из аварийного набора.
Определил направление.
Северная стена находилась за шкафом с тетрадями.

Ган долго смотрел.

Потом начал разгружать полки.

Папка за папкой.

Коробки.

Тетради.

Книги.

Работа заняла почти час.

Шкаф оказался тяжёлым.

Он нашёл лом.

Подсунул под основание.

Сдвинул.

На бетоне за шкафом проступило огромное пятно старой краски.

Ган посветил.

Ничего.

Потом заметил линию.

Спираль.

Большая.

Почти метр в диаметре.

Перечёркнута вертикальной осью.

Под ней дата.

1969

И ещё слова.

Часть закрыта слоем штукатурки.

Ган очистил пальцами.

Пыль посыпалась на пол.

Буквы:

НЕ ЗНАК. СХЕМА.

Он замер.

Очень знакомая формулировка.

На стене его комнаты:

НЕ ВРЕМЯ. КООРДИНАТА.

Кто-то пятьдесят семь лет назад мыслил теми же противопоставлениями.

Или Ган перенял язык из архива и потом забыл источник.

Конечно.

Самое простое объяснение.

Он продолжил очищать стену.

Ниже:

ЧЕТЫРЕ ВХОДА. ОДИН ЦЕНТР.

Ган почувствовал, как дыхание стало медленнее.

Ещё ниже штукатурка держалась крепче.

Он взял металлический шпатель.

Работал осторожно.

Под слоем старой краски проявились линии.

Не просто знак.

Схема.

Четыре спиральных траектории входили в общий центр.

Ноль.

Один.

Два.

Три.
Ган отступил.
Это почти совпадало с его современной схемой.
Только нарисовано десятилетиями раньше.
В центре стояла маленькая точка.
От неё уходила линия вверх.
За пределы круга.
Рядом одно слово:

ПЕРЕХОД

Ган смотрел долго.
Точка Перехода.
Слово ещё ничего не означало.
Но почему-то вызвало чувство, похожее на узнавание.
Не мысль.
Не память.
Будто тело вспомнило раньше языка.
Он сел на пол.
Пыль покрывала рукава.
Перед ним была стена, которую кто-то намеренно закрыл шкафом.
Возможно, он сам.
Архив оказывался не комнатой с чужими записями.
Он был слоем поверх ещё более старого слоя.
Шкаф.
Папки.
Тетради.

Документы.

А под ними — рисунок.

Как если бы здание тоже обладало памятью и люди десятилетиями накладывали поверх неё свои объяснения.

Ган вдруг почувствовал красоту этой конструкции.

Не мистическую.

Почти археологическую.

Каждое поколение приходило сюда со своим языком.

Военные говорили о сигнале.

Инженеры — о резонансе.

Психологи — о памяти.

Лара — о нейрофизиологии.

Лея — об отношениях.

Ган — о когерентности.

Возможно, все они описывали разные стороны одного процесса.

И возможно, никто не видел его целиком.

Он вернулся к столу.

Взял тетрадь 1969 года.

Теперь знал, что искать.

На последней странице обнаружилась запись, которую раньше пропустил.

Автор не указан.

Почерк аккуратный.

«Мы всё время пытаемся определить, что входит в систему. Возможно, ошибка в самом вопросе. При совпадении

фаз возникает состояние, которого нет ни в одном канале отдельно. Оно принадлежит отношениям».

Ган почувствовал, как внутри стало тихо.

Почти те же слова.

Его слова.

Леины слова.

Слова человека 1969 года.

Дальше:

«Назвать это пятым каналом нельзя. Канала нет».

Ган читал медленнее.

«Есть четыре сигнала и возникающее между ними состояние».

Пятая стена.

Он вспомнил сообщение на ноутбуке:

Сначала пойми, почему четырёх тебе недостаточно.

Ган поднял голову.

Комната.

Четыре стены.

Пятая возникает между ними?

Не как поверхность.

Как отношение.

Он почувствовал почти физический толчок мысли.

Четыре стены создают комнату не потому, что каждая сама по себе является комнатой.

Комната — отношение между ними.

Пространство, которое возникает благодаря границам.

Пятая стена не нужна.

Нужно увидеть то, что уже родилось между четырьмя.

Ган улыбнулся.

Вот это было сильнее загадки.

Просто.

Настолько, что он почти рассердился на себя за долгие поиски скрытого прохода.

Он снова посмотрел на запись.

Последняя строка:

«Если когда-нибудь кто-то продолжит работу, пусть ищет не новый элемент. Пусть изменит конструкцию».

Ган отложил тетрадь.

Тот же принцип.

Материал уже есть.

Меняются отношения.

Он сидел среди чужих записей и впервые чувствовал, что они перестают быть чужими.

Не потому, что принадлежали ему.

Потому что продолжали одну мысль через десятилетия.

Человек умирал.

Почерк оставался.

Другой человек подхватывал вопрос.

Менял слова.

Добавлял опыт.

Ошибался.

Отступал.

Возвращался.

Знание двигалось не прямой линией.

Скорее спиралью.

Каждый круг проходил рядом с прежним, но уже на другой высоте.

Ган подошёл к стене.

Провёл рукой по спирали.

Вертикальная линия пересекала её.

Возможно, это и был смысл знака.

Повторение и подъём.

Круг и ось.

Спираль и направление.

Он не стал делать окончательный вывод.

Слишком рано.

Но символ впервые перестал казаться просто эмблемой.

Он стал идеей.

Из коридора донёсся звук.

Шаг.

Ган замер.

Не труба.

Шаг.

Потом ещё один.

Медленный.

Человек.

Он выключил фонарь, хотя свет в комнате оставался включён.

Глупый жест.
Сердце ускорилось.
— Лара?
Тишина.
Шаг.
Ближе.
Ган встал.
На столе лежал тяжёлый металлический фонарь.
Он взял его.
Коридор за дверью пуст.
Шаг снова.
Но теперь звук пришёл не снаружи.
Из архива.
Ган медленно повернулся.
Шкафы.
Стол.
Кровать.
Никого.
Ещё шаг.
За дальней стеной.
Северной.
Там, где спираль.
Ган подошёл.
Приложил ухо.
Тишина.
Потом шорох.

Будто кто-то перелистывает бумагу.
За бетонной стеной?
Он отступил.
На столе одна из тетрадей лежала открытой.
Ган был уверен, что закрыл её.
Подошёл.
Страница.
Запись Серова.
Последняя.
«Если снова услышу, уйду».
Ниже чужой почерк:
«Не ушёл».
И ещё ниже появилась строка.
Свежая.
Синие чернила.
Ган смотрел.
Он точно её не видел.
Почерк незнакомый.
«Ты тоже не уйдёшь».
Он не двигался.
Чернила блестели.
Ган коснулся.
Палец окрасился синим.
Свежие.
В комнате кто-то был.
Или был совсем недавно.

Он резко оглянулся.
Под кроватью пусто.
За шкафом никто не спрячется.
Маленькое помещение.
Одна дверь.
Он стоял в ней всё время?
Нет.
Пока двигал шкаф, спиной к входу был несколько минут.
Кто-то мог войти.
Но услышал бы.
Наверное.
Он выбежал в коридор.
Никого.
Пошёл до поворота.
Пусто.
Круглая дверь открыта.
Дальше лестница.
Тишина.
Ган вернулся.
На столе строка оставалась.
Ты тоже не уйдёшь.
Он почувствовал злость.
Страх отступил.
— Очень смешно.
Если это Лара — убьёт.
Если система — нужно найти механизм.

Если человек — тем более.

Ган взял тетрадь.

Осмотрел страницу под углом.

Чернила обычные.

Ручка.

На столе ручек несколько.

Он проверил.

Одна синяя писала тем же оттенком.

Ган понюхал.

Чернила.

Совсем свежие.

Взял ручку.

На корпусе мелкими буквами:

Л.В.

Лара.

Он выдохнул.

Прекрасно.

Значит, она могла написать это заранее каким-нибудь проявляющимся составом?

Нелепо.

Или строка была там, а он не заметил.

Скорее.

Мозг легко пропускает детали.

Особенно когда ищет другое.

Он сфотографировать не мог — телефона нет.

Зато мог сделать простую вещь.

Ган обвёл новую строку карандашом.

Поставил время по часам архива.

08:31

Написал рядом:

Увидел впервые сейчас.

Если строка изменится, будет хотя бы фиксация.

Он усмехнулся.

Серов, вероятно, делал то же самое.

Смешно наблюдать, как рациональный человек постепенно начинает вести себя ровно как предыдущий рациональный человек перед ним.

Он вернул тетрадь.

На дне коробки обнаружился конверт.

Без даты.

На нём:

ТОМУ, КТО ОТКРОЕТ АРХИВ ПОСЛЕ НАС

Ган замер.

Конверт был запечатан.

Бумага старая.

Он сел.

Открыл осторожно.

Внутри один лист.

Печатная машинка.

Текст короткий.

«Мы не знаем, что именно обнаружили на объекте 17-Б. Просим будущих исследователей избегать двух ошибок: счи-

тать происходящее чудом и считать происходящее ерундой».

Ган улыбнулся.

Хорошее начало.

Дальше:

«Первая ошибка прекращает исследование верой. Вторая — самоуверенностью».

Он прочитал ещё раз.

Очень точно.

«Факты просты: при определённых режимах фазового наложения возникают устойчивые изменения восприятия, памяти и временной последовательности субъективного опыта. Часть эффектов объяснима физиологией. Часть пока остаётся без достаточного объяснения».

Ниже:

«Особенно важны повторяющиеся феномены, возникающие у людей, не имеющих доступа к предыдущим отчётам».

Ган нахмурился.

Значит, они уже тогда боролись с эффектом внушения.

«Если эти повторения сохранятся, исследуйте отношения между явлениями, а не каждое по отдельности».

Последняя строка была напечатана крупнее:

«Не ищите пятую вещь. Ищите то, что возникает между четырьмя».

Ган медленно опустил лист.

Вот теперь совпадение становилось слишком точным.

Но опять же.

Он читал этот архив раньше.

Мог встроить старую формулировку в собственный эксперимент.

Мог запрограммировать ноутбук.

Мог написать себе сообщение.

Сознательно.

Потом забыть.

Всё ещё возможно.

Он почти радовался, что рациональная цепочка не рвётся.

Она становилась тоньше, но держалась.

Под машинописным текстом стояли четыре подписи.

Воронцов.

Белозёров.

Серов.

И четвёртая фамилия:

Н. Ган.

Ган застыл.

Прочитал снова.

Н. Ган.

Сердце ударило сильно.

Он приблизил лист.

Возможно, фамилия.

Ган.

Редкая, но возможная.

Инициал Н.

Другой человек.

Конечно.
Не он.
Документ восьмидесятых.
Он родился гораздо позже.
Ган быстро перелистнул архив.
Искал фамилию.
Нашёл.
Николай Аркадьевич Ган.
Физик.
Консультант группы.
Работал на объекте в 1986—1987 годах.
Ган сидел неподвижно.
Совпадение имени?
Его имя — Ган.
Не фамилия.
Возможно, родители назвали в честь человека?
Нет.
Он помнил историю имени смутно.
Отец выбрал?
Мать?
Ган закрыл глаза.
Вспомнил разговор.
Отец говорит:
«Странное имя, но тебе подошло».
Мать смеётся.
Кто выбрал?

Пусто.

Он открыл личное дело Николая Гана.

Фотография.

Чёрно-белая.

Мужчина лет сорока.

Высокий лоб.

Тёмные волосы.

Спокойное лицо.

Никакого сходства.

Ган почувствовал облегчение.

Просто фамилия.

Николай Ган.

Он читал биографию.

Родился 1943.

Специалист по волновым процессам.

Привлечён к проекту в 1984.

После аварии 1987 года дальнейшие сведения отсутствуют.

Не погиб.

Просто исчез из документации.

В личной тетради Николая записей почти не было.

Формулы.

Схемы.

Несколько цитат.

На одной странице:

«Мы считаем сигнал вещью, потому что прибор показыва-

ет его линией. В действительности сигнал существует только во взаимодействии с тем, что способен его принять».

На другой:

«Структура важнее носителя».

Ган почувствовал знакомство с формулировкой.

Это могло быть источником всей его собственной концепции.

Дальше:

«Сохраняется не объект. Сохраняется возможность его восстановления».

Он перечитал.

Лея могла прийти к похожему выводу независимо.

Или Ган рассказывал ей о старых материалах?

Но в 2019 году, судя по записям, он ещё не работал на объекте.

Тогда источник — другой.

Смысл мог повторяться просто потому, что идея естественная.

Человечество десятки раз открывает одни и те же вещи.

Колесо не становится мистическим только потому, что его придумали в разных местах.

На последней странице тетради Николая стоял знак.

Спираль.

Вертикальная ось.

Под ним:

«Точка нулевого вращения».

Ган перестал дышать.

Нулевого вращения.

Слово всплыло внутри.

Нулевой Спин.

Откуда?

Он закрыл тетрадь слишком резко.

Стоп.

Вот здесь нужно осторожно.

Память после эксперимента нестабильна.

Нельзя позволить каждому знакомому слову становиться доказательством.

Он сделал несколько глубоких вдохов.

Попил воды.

Вернулся.

Под знаком стояла ещё строка:

«Когда все направления уравновешены, центр остаётся неподвижным».

Ниже:

«Это не отсутствие движения. Это место, относительно которого движение становится различимым».

Ган медленно сел.

Точка Ноль.

Пролог?

Он поймал себя на странном слове.

Пролог.

Глава.

Снова литературная рамка.

Лара шутила.

А может, они действительно так называли этапы эксперимента.

Он перевернул страницу.

Последняя запись Николая Гана датировалась:

17.04.1987. 04:11

За шесть минут до аварии.

«Сегодня попробуем довести четыре канала до полного совпадения в центре. Если расчёт верен, суммарная картина должна потерять выделенное направление».

Следующая строка:

«Если ошибаюсь, получим обычный резонанс».

И последняя:

«Если прав — не знаю».

Через шесть минут система вышла из-под контроля.

Ган почувствовал, как по спине идёт холод.

Что произошло с Николаем?

Он стал искать.

Официальный протокол аварии отсутствовал.

Именно тот документ, который Лара требовала найти.

Вот почему проект продолжался с пробелом в основании.

Ган открыл коробку глубже.

Письма.

Вырезки.

Служебные записки.

Наконец тонкая папка.

17.04.87

Пустая.

Совсем.

Только на внутренней стороне:

ПРОТОКОЛ ИЗЪЯТ.

Кем?

Нет отметки.

Ган провёл рукой по картону.

Значит, полного описания аварии здесь действительно не было.

Лара остановила восемнадцатый цикл, потому что старый предел не изучен.

Разумно.

Впервые её осторожность показалась ему не тормозом, а единственной причиной, по которой он всё ещё сидит здесь и читает.

Он вернулся к личному делу Николая.

В графе «семейное положение»:

женат

Жена:

Елена Сергеевна Ган.

Дети:

сын Андрей, 1970 г.р.

Ган замер.

Его отец — Андрей?

Нет.

Отец другой.

Он точно помнил.

Имя не совпадает.

Хорошо.

Никакой семейной линии.

Он уже почти рассмеялся над собственной готовностью построить родословную из одной фамилии.

Но ниже была фотография мальчика.

Ган посмотрел.

Что-то в лице показалось знакомым.

Глаза?

Нет.

Любой архивный ребёнок при желании может напомнить знакомого.

Он закрыл папку.

Хватит.

Четыре часа в чужих записях делают человека восприимчивым к любому сходству.

Он решил уйти.

Перед этим аккуратно вернул часть документов.

Шкаф на место не двигал.

Спираль на стене оставил открытой.

Старое изображение заслуживало хотя бы воздуха.

У двери обернулся.

Комната выглядела иначе.

В начале дня здесь лежали чужие бумаги.

Теперь каждая полка продолжала голос.

Не призрачный.

Совершенно человеческий.

Кто-то боялся.

Кто-то сомневался.

Кто-то ошибался.

Кто-то делал вид, что ничего не произошло.

Кто-то писал на полях то, чего нельзя было включить в официальный отчёт.

И именно эти поля спустя десятилетия оказывались важнее аккуратно напечатанных заголовков.

Истина редко живёт там, где для неё заранее оставили графу.

Чаще она появляется сбоку.

Карандашом.

После подписи.

В месте, которое никто не собирался хранить.

Ган выключил свет.

Закрыл круглую дверь.

На этот раз колесо повернул до конца.

Вернулся в свою комнату.

Часы показывали 11:17.

Он посмотрел.

— Хорошая попытка.

Сел за стол.

Открыл блокнот.

Некоторое время держал карандаш над страницей.

Хотел записать всё.

Передумал.

Если перенести архив в собственные конспекты, он снова превратит живые голоса в систему слишком рано.

Написал только:

Чужие записи повторяют часть наших наблюдений задолго до нашего проекта.

Пауза.

Следующая строка:

Это ещё не доказательство общей причины.

Потом:

Старый принцип: 0 +1 +2 +3. Один сигнал. Разные задержки. Новое состояние возникает между ними.

И наконец:

Николай Ган. 1987. Найти протокол аварии.

Он закрыл блокнот.

На столе лежал лист «Хорошо, что ты вернулся».

Рядом фотография Леи.

Пропуск Лары.

Ключ со спиралью.

Четыре вещи.

Ган смотрел на них.

Не специально.

Просто заметил.

Четыре.

Он рассмеялся.

— Нет. Даже не начинайте.

Повернулся к койке.

И тут увидел пятую вещь.

Небольшую тетрадь.

Серую.

Она лежала на подушке.

Ган остановился.

Он её туда не клал.

Абсолютно точно.

Подошёл.

На обложке ничего.

Открыл.

Первая страница.

Почерк Николая Гана.

Он уже узнавал его.

Одна строка:

«Если ты нашёл мои записи, значит, архив снова открылся».

Ган почувствовал, как кожа на руках становится холодной.

Следующая страница:

«Не доверяй последовательности».

Дальше:

«Она удобна памяти, но устройство происходящего

иное».

Он перевернул.

На четвёртой странице:

«Ты будешь думать, что пришёл после нас».

Пятая:

«Это естественная ошибка».

Ган перестал листать.

Комната была пуста.

Дверь закрыта.

Он проверил.

Заперта изнутри.

Никто не мог войти незаметно.

Тетрадь лежала на его подушке.

Он вернулся к столу.

Сел.

Продолжил.

Шестая страница:

«Возможно, мы пришли после тебя».

Ган долго смотрел на фразу.

Потом тихо произнёс:

— Вот теперь вы совсем охренели.

Никакой возвышенной мысли не пришло.

И это почему-то успокоило.

Он перевернул страницу.

Последняя запись:

«Когда услышишь это как парадокс, закрой тет-

радь.

Когда услышишь как структуру — открой снова».

Дальше страницы были чистыми.

Ган закрыл.

Положил на стол.

Не стал искать объяснение.

Сил уже не было.

Он налил воды.

Выпил.

Съел кусок хлеба.

Проверил рану.

Сделал всё, что возвращало предметам привычные значения.

Кружка — для воды.

Хлеб — для еды.

Койка — для сна.

Дверь — чтобы закрывать.

Тетрадь — чтобы писать.

Архив — чтобы хранить прошлое.

Он почти поверил в этот порядок.

Потом часы без батарейки щёлкнули.

11:18.

Ган лёг.

Серая тетрадь осталась на столе.

Он смотрел на неё, пока глаза не начали закрываться.

Последняя мысль перед сном пришла неожиданно про-

стой.

Если прошлое действительно хранится в записях, оно движется только в одну сторону: от умерших к живым.

Если же запись способна каким-то образом оказаться раньше того, кто её читает, тогда проблема уже не в памяти.

Тогда придётся разбираться со временем.

Ган уснул прежде, чем успел испугаться этой мысли.

Глава 5. Шум за стеной

«Тишина — самый громкий звук».

Майлз Дэвис

Ган проснулся прежде, чем понял, что именно его разбудило.

Комната была тёмной.

Первое мгновение он лежал совершенно неподвижно, сохраняя то редкое состояние между сном и явью, когда предметы ещё не получили имён, тело не успело вспомнить собственную биографию, а сознание существует как чистая способность различать.

Потом вернулся Бункер.

Запах бетона.

Койка.

Стол.

Часы без батарейки.

Лея.

Лара.

Архив.

Николай Ган.

Серая тетрадь.

И звук.

Вот он.

Ган открыл глаза.

Гул шёл откуда-то из глубины стены.

Ни стук, ни вибрация водяной трубы, ни ровное дыхание вентиляции. Скорее низкая нота, почти лежащая ниже слуха: её можно было не услышать, зато невозможно было перестать чувствовать, когда однажды заметил.

Она входила через грудную клетку.

Ган сел.

Гул исчез.

Он замер.

Тишина.

Потом снова.

Очень медленно нарастая, словно огромный механизм где-то далеко набирал обороты.

У-у-у-у-у…

Звук достигал какой-то внутренней вершины, хотя громче почти не становился, затем спадал.

Пауза.

Снова.

Ган посмотрел на часы.

2:43.

Они продолжали идти.

Он автоматически бросил взгляд на батарейку.

Она лежала там же.

— Даже обсуждать не будем.

Голос прозвучал слишком громко.

Гул оборвался.

Ган прислушался.
Минута.
Две.
Ничего.
Он лёг обратно.
Только голова коснулась подушки — звук возник снова.
На этот раз выше.
Не по частоте — по положению.
Будто источник переместился из пола в стену.
Ган приподнялся.
Гул остался.
Он встал.
Подошёл к первой стене.
Приложил ладонь.
Холодный металл двери.
Ничего.
Вторая.
Та, за которой находилась скрытая схема.
Лёгкая вибрация.
Третья — трубы.
Обычный ток воды.
Четвёртая — койка и часы.
Ган коснулся бетона.
Гул усилился.
Вот.
Он приложил ухо.

Сначала услышал собственное кровообращение.

Тихий внутренний прибой.

Потом из стены проступил низкий тон.

Едва уловимый.

Ган отступил.

Звук остался.

Он снова приблизился.

Теперь слышалось уже два тона.

Один тянулся ровно.

Другой вступал спустя несколько секунд, чуть выше первого.

Ган замер.

Второй повторял первый.

С задержкой.

Ещё через некоторое время появился третий.

Потом четвёртый.

Он невольно закрыл глаза.

Нулевая дорожка.

Первый период.

Второй.

Третий.

Тот же принцип.

Только сейчас никакого оборудования рядом не работало.

По крайней мере, известного ему.

Четыре звуковых потока наслаивались медленно, почти незаметно. В каждый отдельный момент музыка — если

это можно было назвать музыкой — казалась примитивной: длинный гул, почти лишённый мелодии. Но через несколько минут его структура начинала менять пространство.

Звук не двигался вперёд.

Он разрастался.

Как круги на воде.

Как несколько волн, возникших от одного камня, который почему-то падал снова и снова с одинаковой высоты, но каждый раз чуть позже самого себя.

Ган открыл глаза.

Стена была всё той же.

Серая.

Бетонная.

Шероховатая.

А комната вдруг казалась шире.

Это ощущение раздражало своей убедительностью.

Он сделал три шага назад.

Звук изменился.

Подошёл к углу.

Иначе.

В центр комнаты.

Ещё иначе.

Каждая точка будто имела собственную версию одного гула.

Ган вспомнил концертные залы.

Стоит пройти несколько метров — и бас перестраивается,

одна частота усиливается, другая почти исчезает. Интерференция волн. Никакой тайны.

Он почувствовал облегчение.

Акустика.

Низкочастотный источник за стеной.

В замкнутом пространстве возникают стоячие волны.

Всё.

Прекрасно.

Оставалось найти источник.

Ган включил верхний свет.

Гул исчез.

Он усмехнулся.

— Конечно.

Выключил.

Через двадцать секунд звук вернулся.

Включил.

Тишина.

Выключил.

Гул.

Ган несколько раз повторил.

Результат тот же.

Значит, освещение влияет на источник.

Вполне возможно.

Общая сеть.

Помехи.

Реле.

Старое оборудование.

Он включил свет и пошёл к щиту.

Напряжение стабильное.

Лампы питались от отдельной линии.

Вентиляция — другой автомат.

Лаборатория — третий.

Он выключил освещение не настенным выключателем, а прямо в щите.

Темнота.

Звук появился.

То есть дело действительно связано с электрической нагрузкой.

Ган включил фонарь.

Подошёл к четвёртой стене.

Гул шёл из неё.

Там не должно быть ничего.

Согласно схеме, за стеной находился грунт.

Он вспомнил Серова.

Белый коридор.

«За стеной по плану грунт».

Неприятное совпадение.

Ган достал блокнот.

Записал время.

Потом остановился.

2:57.

Включил свет.

Гул пропал.

Выключил.

Звук вернулся.

Он повторил ещё несколько раз, измеряя промежуток по часам.

Первый раз — двадцать одна секунда.

Второй — двадцать.

Третий — двадцать две.

Почти одинаково.

Значит, не случайность.

Какой-то конденсатор?

Реле с задержкой?

Автоматика?

Ган усмехнулся.

Когда рядом лежит отвёртка, Вселенная несколько минут выглядит значительно проще.

Он взял инструменты.

Нашёл распределительную коробку на четвёртой стене.

Открутил крышку.

Провода.

Старые.

Часть заменена недавно.

Один кабель уходил внутрь бетона.

На маркировке:

AUX-4

Дополнительная линия.
Он раньше её не замечал.
Проследить невозможно.
Ган вернулся к щиту.
Нашёл автомат AUX.
Выключил.
Тьма.
Он подождал.
Двадцать секунд.
Гул появился.
Значит, не эта линия.
Выключил вентиляцию.
Тишина стала почти давящей.
Гул продолжался.
Насос нулевого контура.
Выключить нельзя без причины, но на несколько секунд допустимо.
Ган пошёл в лабораторию, перевёл контур в паузу.
Вернулся.
Звук остался.
Он включил всё обратно.
Источник не находился ни в вентиляции, ни в водяной системе, ни в известных цепях питания.
Это уже было интересно.
Ган вернулся к стене.
Приложил ухо.
Четыре тона.
Теперь слышались отчётливо.
Первый.

Второй входил примерно через семь секунд.
Третий — ещё через семь.
Четвёртый — снова.
Потом вся конструкция сходилась и начиналась заново.
Период около двадцати восьми секунд.
Ган засёк.
Повтор.
Двадцать восемь.
Ещё.
Двадцать восемь.
Точный цикл.
Он записал.
Потом почувствовал странное.
В каждом четвёртом повторении появлялся пятый звук.
Очень короткий.
Тонкий.
Почти человеческий свист.
Он мог быть гармоникой.
Физическим следствием сложения частот.
Так и должно работать наложение.
Два звука создают биения.
Несколько — дополнительные частоты.
Некоторые вообще не существуют в исходном сигнале как отдельные ноты, но возникают при взаимодействии.
Ган улыбнулся.
Вот оно.
Материал не менялся.
Конструкция создавала новое.
Он почти хотел разбудить Лею, сказать: «Слышишь?»

Мысль пришла настолько естественно, что улыбка исчезла.

Некоторые привычки переживают человека дольше памяти.

Он сел на пол у стены.

Слушал.

Четыре слоя.

Пятый призвук.

Он появлялся только в момент определённого совпадения фаз.

Не отдельный источник.

Результат отношений.

Пятая стена.

Ган поднял голову.

— Нет.

Нельзя каждой акустической гармонике присваивать философскую должность.

Но образ был слишком красив.

Он всё-таки записал:

Пятый звук появляется между четырьмя.

И сразу добавил:

Вероятно, комбинационная частота. Проверить.

Так лучше.

В блокноте философия должна жить рядом с возможностью собственной ошибки.

Он пошёл за ноутбуком.

Не тем, который разговаривал после выключения.

В лаборатории нашёл обычный технический планшет с программой спектрального анализа и отдельным

микрофоном.
Вернулся.
Установил микрофон возле стены.
Выключил свет.
Гул появился.
На экране возник спектр.
Основная частота — около 31 Гц.
Очень низко.
Почти телесное восприятие.
Вторая — 34.
Третья — 38.
Четвёртая — 41.
Интересно.
Это не одинаковая частота со временным сдвигом.
Частоты различались.
Или прибор фиксировал результат интерференции.
Ган записал.
Потом посмотрел на тонкий призвук.
Каждые двадцать восемь секунд в спектре возникал пик около 417 Гц.
Он застыл.
—
Конечно.
Четыреста семнадцать.
Снова.
Он почувствовал раздражение.
— Ну хватит уже.
На экране было именно 417.
Можно проверить калибровку.

Он включил тестовый генератор.
440 Гц.
Прибор показал 440,2.
В пределах нормы.
417 существовало.
Почему именно 417?
Ган увеличил спектр.
Пик возникал только при определённом наложении четырёх низких частот.
Математически комбинационная частота могла получиться, если система нелинейна.
Но 417 из 31, 34, 38 и 41 напрямую не складывалось.
Он открыл калькулятор.
Суммы.
Разности.
Кратные.
Ничего очевидного.
Может, скрыта более высокая несущая.
Или датчик ловит электромагнитную наводку.
Он поставил второй микрофон.
То же.
Перенёс в коридор.
Пик слабее.
В лаборатории — почти исчез.
Возле четвёртой стены максимальный.
Значит, источник локальный.
Ган поднялся.
За стеной грунт.
Или то, что план считал грунтом.

Он постучал.
Звук глухой.
Прошёл метр.
Снова.
Глухо.
Ещё.
В одном месте ответ изменился.
Более пустой.
Ган замер.
Постучал снова.
Там полость.
Небольшая или большая — непонятно.
Схема объекта могла быть неполной.
Это самое простое объяснение.
Он достал рулетку.
Пустой участок примерно метр двадцать.
От пола до высоты груди.
Может, техническая ниша.
В архиве наверняка есть чертежи.
Ган включил свет.
Гул исчез.
Пошёл к круглой двери.
Сегодня она открылась без сопротивления.
Архив встретил его запахом бумаги.
Серая тетрадь Николая лежала не здесь, а в комнате Гана.
Он решил пока о ней не думать.
Нашёл старые планы.
Северная стена комнаты отдыха.
За ней действительно обозначен грунт.

Но на одном более раннем чертеже, 1967 года, существовал узкий технический канал.

Позже его замуровали.

Ган наклонился.

Канал шёл от комнаты отдыха к старой камере накопления.

То есть между его комнатой и архивом раньше существовало соединение.

Потом его закрыли.

Вот.

Источник звука мог идти по этому каналу.

Он сравнил планы.

Канал шириной около восьмидесяти сантиметров.

Слишком узкий для нормального прохода.

Кабели.

Трубы.

Акустический волновод.

Ган почувствовал почти радость.

Никаких призраков.

Обычная забытая коммуникация.

Теперь осталось понять, что там гудит.

Он нашёл обозначение:

АК-4

Акустический канал 4.

Рядом примечание:

Использовался для передачи контрольного сигнала между камерами.

Ган сел.

Вот и всё.

Старая акустическая линия.

Вероятно, часть оборудования каким-то образом оживает при отключении света.

Почему — разберётся.

Он уже собирался закрыть папку, когда увидел карандашную приписку:

«После 17.04.87 канал физически разорван».

Ган нахмурился.

Разорван где?

Следующий чертёж показывал бетонную перемычку.

Толщина — 60 сантиметров.

Сигнал мог проходить через бетон, особенно на 31 Гц.

Низкие частоты прекрасно распространяются.

Ничего удивительного.

Но откуда они приходят с другой стороны?

За камерой накопления находился старый генераторный зал.

Может, там оборудование.

Ган решил проверить.

Коридор к генераторной шёл через архив, дальше по узкому проходу.

Дверь была тяжёлая, но незапертая.

Внутри стояли старые шкафы, катушки, трансформаторы, огромные металлические корпуса.

Большая часть демонтирована.
Пыль.
Паутина.
Никаких работающих механизмов.
Ган обошёл зал.
На дальней стене четыре круглых устройства.
Акустические излучатели?
Старые динамики?
Каждый размером почти с колесо автомобиля.
Под ними номера:
0
1
2
3
Он остановился.
Ну конечно.
Система восьмидесятых.
Четыре канала.
Ган подошёл.
Кабели обрезаны.
Один динамик треснул.
Другой отсутствовал наполовину.
Работать они не могли.
Он проверил тестером.
Питания нет.
Катушки разрушены.

Значит, гул идёт не отсюда.

На стене рядом висела табличка:

АКУСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ФАЗОВОГО СЛОЖЕНИЯ. ОПЫТНЫЙ ОБРАЗЕЦ.

Вот он.

Предок всей современной установки.

Ган почувствовал почти уважение.

Люди строили это сорок лет назад.

Без современных процессоров.

Без цифровой обработки.

Фазовые задержки задавались кабельными линиями и аналоговыми блоками.

Грубая машина для тонкой идеи.

Он провёл рукой по корпусу.

Пыль.

На пальцах серый след.

Один блок сохранил шкалу задержки.

—

—

—

21 секунд.

Ган замер.

Именно те промежутки, которые слышал сейчас.

Семь секунд между входами.

Цикл — двадцать восемь.

Система воспроизводила старую последовательность.

Но физически не работала.

Он сфотографировал бы, будь телефон.

Вместо этого сделал рисунок.
На полу возле блока нашёл пачку перфокарт.
Большинство повреждены влагой.
Одна сохранилась.
На ней карандашом:

ПРОГРАММА 17

Снова.
Ган поднял карту.
Снизу подпись:
Н. Ган
Николай.
Он почувствовал знакомый холод.
Программа 17.
Может быть, именно она использовалась в день аварии.
На обратной стороне:
0 — 31 Hz
1 — 34 Hz / +7 sec
2 — 38 Hz / +14 sec
3 — 41 Hz / +21 sec
Ган перестал дышать.
Совпадало точно.
Звук, который он слышит сейчас, воспроизводит программу 1987 года.
Но оборудование мертво.
Он проверил ещё раз.
Нет питания.
Кабели перерезаны.

Динамики физически разрушены.
Тогда откуда сигнал?
Ган начал искать современный источник.
Может, кто-то установил новые излучатели.
За шкафами.
Под полом.
В стенах.
Ничего.
Он вернулся в свою комнату.
Выключил свет.
Гул.
Микрофон подтвердил те же частоты.
Включил.
Тишина.
Ган попробовал открыть дверь в коридор, оставив свет выключенным.
Гул почти не изменился.
Значит, источник не связан с акустикой помещения.
Он положил микрофон прямо на бетон.
Сигнал усилился.
Структурная вибрация.
Стена сама колеблется.
Что может раскачивать бетон на четырёх частотах?
Подземное оборудование.
Насосы.
Транспорт.
Геологические процессы.
Но точные задержки программы 17 исключали естественную случайность.

Кто-то воспроизводил её.
Или система, неизвестная Гану, продолжала работать.
Он вспомнил Лару.
Позвонить.
На поверхность.
Сейчас.
Он быстро собрал вещи.
Перед выходом посмотрел на часы.
3:17.
Ган застыл.
Нет.
Он проснулся в 2:43.
Прошло гораздо больше получаса.
Архив.
Генераторная.
Измерения.
Минимум два часа.
Часы показывали 3:17.
Он посмотрел на планшет.
5:06.
Вот реальное время.
Часы опять врали.
Или жили своим временем.
Ган не стал анализировать.
На поверхности уже светало.
Серое небо.
Лес пах влагой.
Он дошёл до точки, где вчера ловила связь, но телефона не было.

Белой «Нивы» тоже.
Пришлось идти к магазину.
Дорога заняла почти час.
Посёлок только просыпался.
Магазин закрыт.
На остановке сидел пожилой мужчина с пакетом.
Ган подошёл.
— Извините, телефон можно на минуту?
Мужчина посмотрел на него подозрительно.
— А свой?
— Остался дома.
Ложь прозвучала проще правды.
Телефон дали.
Ган набрал Лару.
Долго.
Наконец:
— Да.
Голос сонный.
— Лара.
— Ган?
— Прости.
— Который час?
— Около шести.
— Ты умер?
— Пока нет.
— Тогда до девяти у тебя не было причин звонить.
— Я нашёл программу 17.
Тишина.
Сон исчез из её голоса.

— Где?
— В старой генераторной. Перфокарта Николая Гана.
— Ты открыл архив?
— Да.
— Я просила…
— Ты просила найти протокол аварии.
— Нашёл?
— Нет. Его изъяли.
— Именно поэтому я не хотела, чтобы ты лез дальше.
— Лара, слушай. Программа задаёт четыре частоты: 31, 34, 38, 41 герц. Задержки 0, 7, 14, 21 секунда.
Пауза.
— Я знаю.
— Откуда?
— Мы её оцифровывали.
— Почему я не помню?
— Потому что у тебя дыра размером примерно с последний месяц, а местами больше.
— Она сейчас звучит.
Лара молчала.
— Ты слышишь?
— Где?
— В моей комнате. Через четвёртую стену. Только при выключенном свете.
— Ган, программа 17 не может звучать.
— Спасибо, это я уже выяснил.
— Старый генератор демонтирован.
— Я его видел. Развалина.
— Новый комплекс её не запускает автоматически.

— Я отключал контуры.
— Когда?
— Ночью.
— Ты опять трогал систему?
— Не всю.
— Господи.
Ган почувствовал раздражение.
— Лара, я звоню не за воспитанием.
— А зря. Тебе оно сейчас полезнее науки.
— Сигнал есть. Я записал спектр.
— Запись сохрани?
— Да.
— Не слушай её в наушниках.
— Почему?
Пауза.
— Потому что мы однажды так сделали.

— И?

— Потом три часа спорили, был ли в записи пятый тон.

Ган замер.

— 417 герц?

На другом конце стало тихо.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он там.

Лара выдохнула.

— Чёрт.

— Что?

— Я надеялась, ты не услышишь.

— Почему?

— Потому что 417 не записывается одинаково.

— Что значит?

— На спектре он иногда есть, иногда нет. Зависит от того, кто анализирует файл.

Ган нахмурился.

— Это бессмыслица.

— Поэтому мы и убрали этот эффект из рабочей модели.

— Цифровой спектр не зависит от наблюдателя.

— Я знаю.

— Один файл — одни данные.

— Я знаю.

— Тогда?

— Я открывала запись — пика нет. Ты открывал ту же — есть. Потом менялись компьютерами. Иногда эффект следовал за машиной, иногда за человеком. Мы потратили неделю и решили, что где-то ошибка обработки.

— Нашли?

— Нет.

— Сырые данные?

— Иногда пик присутствовал и там.

— Иногда?

— Да.

Ган почувствовал неприятное возбуждение.

— Это невозможно.

— Я именно это сказала.

— А я?

— Ты сказал: «Отлично».

Ган рассмеялся.

— Похоже на меня.

— Вот поэтому ты опасен для самого себя.

Он прошёлся по остановке.

Пожилой мужчина рядом слушал половину разговора и явно сожалел, что дал телефон.

— Лара, кто такой Николай Ган?

Тишина.

— Уже дошёл и до него?

— Да.

— Физик проекта 80-х.

— Я вижу. Почему у него фамилия Ган?

— Потому что так звали человека.

— Очень смешно.

— Ты пять лет пытался найти родство.

Ган остановился.

— И?

— Не нашёл.

— Вообще?

— По документам — никакого.

— Тогда почему меня зовут Ган?

— Это имя, не фамилия.

— Я знаю.

— Твои родители не связывали его с Николаем.

— Ты спрашивала?

— Ты спрашивал.

— И что сказали?

— Мать — что имя понравилось отцу. Отец говорил, что услышал его задолго до твоего рождения и просто запомнил.

— Где услышал?

— Не помню.

Ган почувствовал лёгкий холод.

— Он бывал на объекте?

— Насколько мы выяснили — нет.

— «Насколько» мне не нравится.

— Мне тоже.

— Николай исчез после аварии?

— Да.

— Умер?

— Неизвестно.

— Семья?

— Жена умерла в девяностых. Сын уехал.

— Андрей?

— Да.

— Нашли его?

Лара помолчала.

— Нет.

— Почему?

— Ган, мы сейчас опять пойдём по кругу.

— Какому?

— Ты уже искал всё это. Потом решил, что родословная ничего не даёт и отвлекает от эксперимента.

— Возможно, прежний я был прав.

— Запиши эту фразу. Она историческая.

Он улыбнулся.

— Сигнал что делать?

— Ничего.

— Просто слушать?

— Лучше включи свет.

— Тогда исчезает.

— Именно.

— Очень научно.

— Сейчас наша задача — сохранить тебе мозг, а не удовлетворить эстетические потребности.

— Я хочу понять источник.

— Источник найдём потом.

— Когда?

— Когда я вернусь.

— Когда ты вернёшься?

Пауза.

— Через три дня.

— Откуда?

— Из Петербурга.

— Что ты там делаешь?

— Выполняю твою вчерашнюю инструкцию.

— Какую?

— Ищу человека.

— Кого?

— Андрея Гана.

Ган замер.

— Ты только что сказала, что мы не нашли его.

— Раньше.

— А теперь?

— Возможно, нашли след.

— Где?

— В архиве института.

— Он жив?

— Ему пятьдесят шесть. Может быть.

— Почему именно сейчас?

— Потому что перед семнадцатым циклом ты снова решил проверить всю старую линию.

— И ничего мне не сказал.

— Ты знал.

— Тогда.

— Да.

Ган посмотрел на серое утро.

— Ненавижу этого человека.

— Он тоже тебя иногда ненавидел.

— У нас много общего.

Лара рассмеялась.

— Я пришлю сообщение на почту лаборатории. Там будет старый протокол анализа программы 17. Не запускай файл

через аудиосистему.

— Хорошо.

— Ган.

— Что?

— Это не рекомендация.

— Я понял.

— И не включай восемнадцатый цикл.

— Ты повторяешься.

— Потому что ты повторяешься хуже.

Он вернул телефон старику.

— Спасибо.

Тот взял аппарат двумя пальцами.

— Учёные?

— К сожалению.

— По голосу слышно.

Ган улыбнулся.

— Что именно?

— Нормальный человек в шесть утра про герцы не орёт.

— Справедливо.

Мужчина встал, поправил пакет.

— Ты из того подземелья?

Ган посмотрел на него.

— Почему все здесь знают?

— А чего не знать.

— Вы там были?

— Давно.

— Когда?
— В армии.
Ган сразу оживился.
— В каком году?
— Восемьдесят шестом.
Сердце ударило сильнее.
— Вы работали на объекте?
— Срочную служил. Кабель тянули. Недолго.
— Программа 17 вам знакома?
Мужчина прищурился.
— Как тебя зовут?
— Ган.
Он замолчал.
Слишком резко.
— Что?
— Ничего.
— Вы знаете это имя?
— Фамилию знал.
Ган подошёл ближе.
— Николай Ган?
Мужчина посмотрел на дорогу.
— Ты родственник?
— Не знаю.
— Странно.
— Что странно?
— Похожести нет.

— Мы не родственники, скорее всего.
— Тогда чего спрашиваешь?
— Исследую объект.
Мужчина усмехнулся.
— Там уже исследовали.
— Что случилось семнадцатого апреля 1987-го?
Лицо старика изменилось.
Очень немного.
Но достаточно.
— Я тогда уже дембельнулся.
— Слышали что-нибудь?
— Слышал.
— Что?
— Гул.
Ган замер.
— Какой?
Мужчина долго смотрел.
Потом тихо произнёс:
— Такой, будто самолёт летит под землёй.
— Частоты?
— Какие ещё частоты. Я двадцать лет был.
— Где слышали?
— В казарме. Километра четыре отсюда.
— Когда?
— Ночью.
— В день аварии?

— Наверное.
— Что потом?
Мужчина пожал плечами.
— Утром приехали машины. Много. Объект закрыли.
— Людей эвакуировали?
— Видел несколько автобусов.
— Николая Гана?
— Не знаю.
— Что ещё?
Старик помолчал.
— Собаки выли.
— Что?
— В деревне. Все.
Ган почувствовал холод.
— От звука?
— Может.
— Сколько он длился?
— Не помню. Долго.
— Час?
— Может, меньше.
Старик взял пакет.
— Потом неделю голова болела.
— У многих?
— Не знаю.
Он сделал несколько шагов.
Ган догнал.

— Подождите. Вы что-нибудь забывали?

Мужчина остановился.

Посмотрел странно.

— Почему спрашиваешь?

— В старых отчётах есть нарушения памяти.

— Я ничего не забыл.

Он ответил слишком быстро.

Ган молчал.

Старик вздохнул.

— Дорогу домой забывал.

— Что?

— На следующий день.

— Вы жили здесь?

— Родился здесь.

— И забыли дорогу?

— Минут на десять.

— Куда шли?

— К матери.

— Потом вспомнили?

— Конечно.

— Ещё что-нибудь?

Мужчина раздражённо махнул рукой.

— Молодой человек, сорок лет прошло. В двадцать лет дурь всякая бывает.

— Кто-нибудь ещё рассказывал подобное?

— Хватит.

Он пошёл.
Потом сам остановился.
Не оборачиваясь, сказал:
— У нас парень один имя сестры забыл.
Ган почувствовал тяжесть.
— Надолго?
— До вечера.
— После гула?
— Да.
— Как его звали?
Старик посмотрел через плечо.
— Зачем тебе?
— Проверить записи.
— Белозёров.
Ган застыл.
Белозёров.
Старший техник из архива?
— Пётр Иванович?
Мужчина повернулся полностью.
— Откуда знаешь?
— Читал журнал.
— Пётр был его отец. Парня звали Саша.
— Александр Белозёров.
— Да.
— Он жив?
— Уехал потом.

— Куда?
— Не знаю.
Старик пошёл.
Ган больше не останавливал.
Вернулся в Бункер около восьми.
Первым делом проверил почту лаборатории.
Письмо от Лары.
Тема:
НЕ СЛУШАТЬ. ЧИТАТЬ.

Вложение — PDF старого отчёта и спектральные графики.
Ган открыл.
Программа 17.
Четыре сигнала.
Частоты совпадают.
Задержки совпадают.
В отчёте 2024 года Лара и Ган пытались воспроизвести их программно.
Получили выраженный эффект пространственного расширения звука, головокружение у части испытуемых, усиление образной памяти, несколько эпизодов дежавю.
Ничего катастрофического.
Пятый тон 417 Гц присутствовал лишь в части записей.
Ган изучал графики.
На одном пик есть.
На другом — нет.
При одинаковых настройках.

В комментарии:
«Проверить артефакт измерительной цепи».
Следующая версия:
«Артефакт не подтверждён».
И наконец его собственная запись:
«Возможно, 417 возникает не в сигнале, а в системе восприятия».
Лара ответила:
«Тогда микрофон не должен его регистрировать».
Ган:
«Согласен».
Лара:
«Наконец-то».
Он улыбнулся.
Дальше:
«Однако иногда регистрирует».
Лара:
«Ненавижу тебя».
Он рассмеялся.
Да.
Именно так они работали.
Но затем шёл более серьёзный раздел.
Один испытуемый услышал в пятом тоне голос.
Другой — детский плач.
Третий — собственное имя.
При воспроизведении записи исследователи ничего подобного не обнаружили.
Субъективные интерпретации.
Нормально.

Мозг ищет паттерны в неоднозначном звуке.
Парейдолия.
Как лица в облаках.
Голоса в шуме радио.
Ган успокоился.
До следующей страницы.
Испытуемому №8 дали прослушать сигнал, не сообщая предыдущих результатов.
Он записал услышанную фразу:
«Не открывай дверь».
Испытуемый №11:
«Дверь открыта».
№14:
«Вернись».
Ган почувствовал, как кожа холодеет.
Все слова уже встречались ему.
Возможно, потому что он читал этот отчёт раньше.
Да.
Это объяснение всё ещё работает.
Его бессознательная память воспроизводит знакомый материал.
Знак «Вернись» на остановке мог быть нарисован им же или кем-то из проекта.
Надписи на дверях — тоже.
Вся среда заранее наполнена триггерами.
Эксперимент устроен именно так.
Не надо делать скачок.
Ган сказал это вслух:
— Не надо делать скачок.

И услышал ответ.
Очень тихий.
Из стены.
— …скачок…
Он замер.
Эхо?
Комната почти не давала такого эха.
Ган подошёл к стене.
Свет включён.
Гула нет.
— Кто там?
Тишина.
— Лара?
Глупо.
— Николай?
Ещё глупее.
Он почувствовал раздражение на самого себя.
Сказал:
— Яблоко.
Из стены ничего.
— Дверь.
Тишина.
— Семнадцать.
Ничего.
Вот.
Мозг уже готов вести беседу со строительным материалом.
Ган отошёл.
И тогда из стены пришёл очень тихий звук.

Не слово.
Два коротких тона.
Потом ещё.
Он включил планшет.
Спектр.
Свет горел.
Но в стене появился сигнал.
31 Гц.
Раньше при свете исчезал.
Теперь нет.
Второй слой.
—
Через семь секунд.
Третий.
—
Четвёртый.
—
Ган смотрел на график.
Программа 17 запустилась при включённом освещении.
Правило изменилось.
Или он ошибался насчёт правила с самого начала.
Пятый пик.
—
Уровень выше, чем ночью.
Ган записывал.
И тогда услышал голос.
Настолько ясно, что невозможно было спутать с воображаемой артикуляцией шума.
Женский.

Далёкий.
Одно слово:
— Ган.
Он замер.
Сигнал продолжался.
— Лара?
Тишина.
Через двадцать восемь секунд снова.
— Ган.
Голос был знакомым.
Но не Лариным.
Он почувствовал, как кровь отходит от лица.
Лея.
Нет.
Нет.
Это память.
Он слышал Леины записи.
Голос мог быть встроен в программу.
Разумеется.
Он побежал в генераторную.
Старые динамики мертвы.
Вернулся в лабораторию.
Проверил новую систему.
Контуры в минимальном режиме.
Аудиовыход отключён.
Никакой программы 17.
Он открыл логи.
Ничего.
Голос снова:

— Ган.
Теперь ближе.
Из четвёртой стены.
Он подошёл.
— Лея?
Слово вышло тихо.
Гул продолжался.
Пауза.
Голос:
— Не…
Шум поглотил продолжение.
Ган прижал ухо.
— Что?
Следующий цикл.
— Не…
Потом тон 417.
И снова:
— …слушай…
Ган отступил.
Не слушай.
Или «не слушайся»?
Мозг мог дорисовывать.
Он поставил микрофон.
Начал запись.
Голос повторился.
Трижды.
Ган остановил.
Не стал слушать.
Лара сказала не слушать сигнал в наушниках.

Но можно посмотреть спектр.
На 417 Гц виден пик.
В области речевых частот — слабые колебания.
Он построил спектрограмму.
Форманты.
Похожи на человеческую речь.
То есть голос действительно записался.
Не только в его голове.
Ган почувствовал почти радость.
Записанный феномен можно исследовать.
Вот теперь это становится фактом.
Он экспортировал фрагмент без воспроизведения.
Отправил Ларе.
Тема:

ГОЛОС ЗАПИСАЛСЯ.

Через минуту ответ:

НЕ СЛУШАЙ.

Он написал:

Я НЕ СЛУШАЛ ЗАПИСЬ. СЛЫШАЛ В КОМНАТЕ.

Лара долго не отвечала.

Потом:

ВЫЙДИ ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ.

Ган нахмурился.

ЗАЧЕМ?

Ответ:

ПОТОМУ ЧТО Я ПОПРОСИЛА.

Он усмехнулся.

НЕ АРГУМЕНТ.

Лара:

ТОГДА ТАК: ЕСЛИ ЭТО ПРОГРАММА 17, МЫ НЕ ЗНАЕМ, КАКОЙ УРОВЕНЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ СЕЙЧАС ИДЁТ. ТВОЙ МОЗГ ПОСЛЕ ДВУХ ЦИКЛОВ УЯЗВИМ. ВЫЙДИ.

Это уже аргумент.

Ган собрал рюкзак.

Взял воду.

Выключил лабораторную аппаратуру, кроме жизнеобеспечения.

И пошёл к выходу.

На полпути остановился.

Гул изменился.

Теперь он шёл не из четвёртой стены.

Из коридора впереди.

Ган замер.

Сигнал словно переместился.

Он сделал шаг назад.

Звук вернулся к стене.

Шаг вперёд.

Из коридора.

Странно.

Акустика.

Стоячая волна.

Ничего более.

Он продолжил.

Возле склада звук стал выше.

У лестницы — ниже.

Возле внешнего выхода почти исчез.

Ган открыл дверь.

Лес.

Свежий воздух.

Гул пропал полностью.

Он вышел.

Сел на землю возле холма.

Дышал.

Через несколько минут стало легче.

Головная боль, которой он почти не замечал, действительно была.

Лара права.

Воздействие существует.

Какова бы ни была его природа.

Он выпил воды.

Съел галету.

Посмотрел на деревья.

Осень.

Жёлтые листья.

Серое небо.

Всё чрезвычайно обыкновенно.

Ган почувствовал благодарность к лесу именно за отсутствие символизма.

Берёза не пыталась объяснить сознание.

Ель не задавала код.

Грязь не сообщала номер цикла.

Хотя, если задержаться достаточно долго, человек и в шишке найдёт космологию.

Он улыбнулся.

Телефон отсутствовал.

Почта недоступна.

Нужно ждать.

Ган решил пройтись.

Не по дороге.

В другую сторону.

Лес оказался негустым.

Через несколько сотен метров начался овраг.

На дне тек маленький ручей.

Он спустился.

Вода прозрачная.

На дне камни.

Ган присел.

Не пил.

Просто смотрел.

Поток обходил препятствия, делился, соединялся.

Та же идея опять.

Он почти рассмеялся.

— Даже ты?

Ручей молчал.

Вот и прекрасно.

Ган бросил палочку.

Она поплыла.

На раздвоении застряла между камнями, потом поток развернул её и понёс дальше.

Простая физика.

Красота без сообщения.

Можно любить мир, не заставляя его всё время разговаривать.

Эта мысль показалась важнее последних голосов.

Он посидел около часа.

Вернулся к входу.

Прежде чем войти, остановился.

Изнутри ничего не слышно.

Открыл.

Коридор тихий.

Пошёл медленно.

На середине появился слабый гул.

В комнате — сильнее.

Значит, сигнал продолжается.

Но после воздуха восприятие изменилось.

Он слышал его спокойнее.

Не как голос из другого мира.

Как физическое явление, которое нужно локализовать.

Ган проверил сообщение Лары.

Она прислала:

Я ПРОГНАЛА ТВОЙ ФАЙЛ.

Следом:

У МЕНЯ НЕТ ГОЛОСА. ТОЛЬКО 417.

Ган почувствовал холод.

Он ответил:

РЕЧЕВЫЕ ФОРМАНТЫ НА СПЕКТРОГРАММЕ ЕСТЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.